

И. КЫЧАКОВ

Волшебная стрела

И. КЫЧАКОВ

Волшебная стрела

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

1973

Московский рабочий

Кычаков И. С.

К 97 Волшебная стрела. М. «Моск. рабочий». 1973.
152 с.

Эта повесть о Рудольфе Яновиче Тольмаце. Эстонец по национальности, он родился в 1891 году в Риге в семье рабочего-железнодорожника. В детстве Рудольф слышал сказку о волшебной стреле — символе героического порыва. И таким порывом стала вся его жизнь.

В 1912 году Тольмац вступил в партию большевиков, работал в Петербурге в подполье вместе с М. И. Калининым. Октябрь 1917 года застал Тольмаца на юге России, в городе Бердянске. Здесь он встает во главе большевиков города и уезда, организует Красную гвардию. В период белогвардейского мятежа в апреле 1918 года все члены первого Бердянского Совета были арестованы и расстреляны. Тольмацу удалось спастись чудом...

В годы социалистического строительства Тольмац руководил строительством завода «Фрезер» и был первым директором завода.

Несколько слов от автора

К герою этой документальной повести я шел долго. Многие годы меня не покидала мысль написать о человеке, стоящем у станка.

Еще когда работал на «Уралмаше», стремился по-настоящему сдружиться с таким человеком. И нашел его — Александра Ивановича Храмцова — знатного зубореза, ныне Героя Социалистического Труда. О нем, о его работе я писал очерки, статьи, готовил материалы для книги. Однако случилось так, что пришлось расстаться, нахлынули новые писательские заботы, новые темы. Но тема рабочего человека жила во мне.

И вот он, мой герой, Рудольф Янович Тольмац — строитель и первый директор московского инструментального завода «Фрезер» имени М. И. Калинина.

Впервые я увидел Тольмаца (да пусть это не покажется странным!) на голубом экране. Шла передача «Наш первый директор». На кинокадрах я увидел Рудольфа Яновича — в кепке, в наглухо застегнутом кителе, худое лицо подвижно, взгляд быстрый, цепкий, когда улыбается, на правой щеке ямочка.

О нем говорили секретарь парткома завода Владимир Федорович Буторин, член партии Ленинского призыва Лев Мъртынович Стрельчук, одна из первых депутаток районного Совета Мария Васильевна Степина. Мелькали фотоснимки: Карачарово поле, где развернулось строительство завода, землекопы с тачками, кладка первых стен; кадры фотохроники тех лет: пуск завода, Тольмац за столом президиума собрания, Тольмац в цехе, Тольмац у станка разговаривает с рабочими...

Но передача была короткая и промелькнула как-то очень быстро — не удержишь, не остановишь... А потом мне попали в руки письма телезрителей. Сергей Антонович Новицкий писал, что он, бывший член первого Бердянского Совета и уездного исполкома, очень хорошо помнит Рудольфа Яновича как соратника по борьбе за установление Советской власти на юге России в 1917 году. Трогательным было письмо, пришедшее из Тулы от Тамары Соколовской. «Эта передача,— писала она,— о моем горячо любимом отце...» И далее сообщала, что у нее хранятся адреса родственников Тольмаца, его снимки.

Так начался сбор материала.

Я пришел на «Фрезер». Было это в день Всесоюзного ленинского субботника. Прошло уже 38 лет, как Рудольф Янович не работал на заводе, и после него сменилось восемь директоров, но ветераны рассказывали о нем тепло, обстоятельно, как будто расстались только вчера... Отдельные факты в рассказах повторялись, но каждый раз дополнялись новыми черточками, иногда высвечивались новыми деталями и штрихами.

Я побывал на заседаниях парткома, на собраниях коммунистов и комсомольцев завода, съездил в Балашиху, где живет первый секретарь заводской партийной ячейки Алексей Филиппович Фролов, разыскал в да-

леком Темир-Тау старшую сестру Тольмаца — Алиду Яновну, побывал в Бердянске, где Тольмац встретил Великий Октябрь, подробно ознакомился с материалами местного музея.

И, разбирая свои записи с накопившимся материалом, признаюсь, пришел в смятение — да тут можно утонуть, запросто утонуть в материале! Нет, повесть, которую я задумал, нужно писать на широком историческом фоне. Рудольф Янович как коммунист, как директор первенца инструментальной промышленности неотделим от коллектива завода. Стволом этого дерева, думал я, должны стать главы об отдельных наиболее ярких страницах жизни Тольмаца, а его ветками — рассказы его соратников, очевидцев, ветеранов завода и представителей молодого поколения рабочего класса. Только тогда крона выровняется и зазеленеет... О том, кто помогал мне в этой нелегкой работе, я с благодарностью расскажу в ходе самого повествования.

•

О волшебной стреле, которую, если захочешь, непременно увидишь

Весь небосклон закрыла иссиня-черная туча, лохматая, похожая на медведя. Медленно передвигая передние лапы, она ползла, стараясь придавить собою город.

— Смотри, Алида, медведь! — крикнул мальчик, останавливая легкую двухколесную тележку, которую толкал перед собой.

— Где медведь? — девочка, тоненькая и длинноволосая, испуганно оглянулась.

— В небе!

Мальчик вглядывался в очертания тучи и отчетливо видел, как клубилась ее летучая чернота, будто под шкурой у медведя бугрились огромные мускулы.

— Скорее бежим! — крикнула девочка и, поддерживая спереди длинное платье, побежала вниз по тропинке.

А мальчик стоял — ему хотелось увидеть, как сверкнут молнией глаза сердитого медведя, как он разинет пасть и раздастся оглушающий рык.

Дождь хлестанул по земле мокрыми розгами. И только тогда храбрец побежал вслед за девочкой.

Колеса тележки загрохотали по камням. Мальчик бежал и то и дело вскидывал голову, подставляя лицо ударам дождя, гром подгонял его, а молния, словно играя в пятнашки, сверкала то справа, то слева.

— Сюда, сюда! — кричала девочка из-под навеса у полуразвалившейся кирпичной сторожки и приплясывала от нетерпения.

— Эт-то кто такие? — раздался сердитый басовитый голос.

Из полуоткрытых дверей сторожки высунулся человек, быстро схватил девочку за руку, дернул к себе, и дверь захлопнулась. Толкнув тележку под навес, мальчик бросился к сторожке и изо всех сил забарабанил кулаками по двери.

— Входи, входи, открыто! — слышалось из сторожки.

Потянув к себе скрипучую дверь, мальчик смело переступил порог и оказался в комнатке с одним окном, похожим на узкую амбразуру. В полумраке он разглядел железную кровать, стол да три поставленных друг на друга ящика у стены, заменявших буфет.

Рядом с девочкой стоял старик — с усами и бакенбардами, чуть согнутый, но широкоплечий. Он словно сошел со страниц волшебной сказки.

— Как тебя зовут? — старик спросил по-русски.

— Рудольф, — быстро ответил мальчик, бросая на сестру, прижавшуюся в уголке, успокаивающий взгляд.

— Ты латыш?

— Нет, эстонец.

Старик посмотрел на мальчика с важностью:

— А хочешь, я угадаю, кто ты и эта девочка?

Это уж совсем было как в сказке и отвечало настроению Рудольфа, только что поборовшего в себе страх перед грозным явлением природы.

— Что ж, угадайте,— сказал он, присаживаясь на массивный табурет (слово «угадайте» у него вышло как «укатайте»).

— Вы брат и сестра,— торжественно произнес старик,— сестру твою зовут Лида.

— Да,— девочка кивнула головой и добавила:— Но правильно — Алида.

— Тебе двенадцать лет,— продолжал старик,— и хотя ты младше сестренки на два года, ты вдвое сильнее ее.

Рудольф простодушно улыбнулся: старик все больше и больше нравился ему — действительно, главное он сумел угадать.

— Ну а что еще вы угадаете?

Старик приосанился, первая удача, очевидно, подбодрила его.

— Сюда в Дерпт¹ вы приехали из Вильно,— сказал он уверенно и гордо посмотрел на Рудольфа — взгляд из-под нависших бровей казался совсем молодым.

Рудольф и Алида, быстро переглянувшись, звонко и весело захохотали. Какой же он волшебник, если не угадал такого простого! Они смеялись так долго, что старик смутился и сказал тихо:

— Кто вас научил не почитать старость?

Алида так и замерла с полуоткрытым ртом.

— Дедушка, мы не хотели вас обидеть. А смеялись мы... Просто... Наша семья приехала сюда из Риги.

— Что просто? — перебил ее старик.— Вы думали, что я волшебник, что я все знаю. А я... Я отставной фельдфебель, георгиевский кавалер, Семен Иванович.

Так началась у Рудольфа и Алиды дружба с де-

---

¹ Дореволюционное название города Тарту Эстонской ССР. В летописях этот город назывался Юрьевом.

душкой Семеном. Он много рассказывал о себе: как служил в армии, как ходил в походы и как, состарившись, не поехал к себе на родину, на Орловщину, а остался доживать дни в этой сторожке, охраняя барский сад.

— Часто вы мимо сторожки пробегали,— говорил старик,— вот я и приметил вас. Только не пойму, зачем вам тележка.

— Мы собираем старое железо и сдаем его, чтобы помочь маме.

— У вас что — нет отца?

— Нет. Он умер, когда я еще был маленький,— ответил Рудольф.

— А кто он у вас был?

— Он у нас работал на железной дороге сразу на двух работах,— гордо сказала Алида,— в депо и на станции.

— Значит, он был мастеровой человек,— с удовлетворением заключил старик.— А что делает мама?

— Она белье стирает.

— А мы помогаем катать его,— подхватил Рудольф,— тогда белье легче гладить. У нас есть большой каток!

Старик узнал, что есть у них еще две сестры, которые уже работают в услужении у богатых людей, что ребята учатся в церковноприходской школе. За школу надо платить, и деньги они зарабатывают тем, что собирают металлический лом.

В первую встречу дед Семен, услышав о сборе лома, промолчал, только смешно оттопырил верхнюю губу, отчего седые усы зашевелились. Но во вторую встречу он взял лопату и повел ребят на берег реки Эмайыги.

— Речка эта,— говорил он,— впадает в Чудское озеро. Тут кругом в давние времена страшные битвы

проходили. Вон, видите, небольшие холмы — здесь когда-то были линии военных укреплений. Тут мы и добудем то, что нам надо.

Копать пришлось недолго. Вскоре тележка была нагружена старинными ядрами, покореженными лафетами и короткими стволами небольших пушек. В тот день выручка составила три рубля — это было настоящее богатство...

Однажды отдыхали на бруствере обвалившейся траншеи. Дед Семен, покачивая головой, смотрел на землю у себя под ногами.

— Эх, внуки мои, внуки, — вздохнул он (теперь он часто называл ребят внуками и внучатами), — сколько людей похоронено в этой земле, и всех их унесла война.

— А война — это страшно? — спросила Алида.

— Страшно, дочка... Но если за правое дело стоишь, то легче. Страх куда-то уходит. Сам собой... Слышал я, что город наш построен Ярославом Мудрым, по-христиански Юрием, и назван был в честь него Юрьевом. А потом, с годами, тут были и немцы, и поляки, и шведы. И сколько здесь войск полегло — один бог знает! И сейчас здешние люди говорят кто по-немецки, кто по-польски, кто по-эстонски...

Как-то нашел Рудольф тонкую, всю изъеденную ржавчиной металлическую пластинку, похожую на указку.

— Дедушка, стрела! — крикнул он, подбегая к старику. Тот повертел в руках находку, потер ее грубыми пальцами и покачал головой:

— Нет, внучек, это, пожалуй, спица от колеса.

— Да нет же, дедушка, стрела!

— Ну пусть будет стрела, — согласился старик. —

А хочешь, я расскажу тебе о волшебной стреле?

— Расскажи.

— Жил когда-то богатырь,— начал старик,— имени его уже никто не помнит. Напали на его родные места лихие враги. Бился богатырь день, второй, третий. Меч его в бою сломался. Остался лишь лук со стрелами. Да и тех было мало. И когда ни одной стрелы не осталось, заплакал богатырь...

— Но ведь он не сдался?— насторожился Рудольф.

Старик медленно покачал головой:

— Нет, внучек, не сдался... Над землей только что дождь прошел, разноцветная радуга из реки воду пила... Вскочил богатырь, подпрыгнул и полетел к радуге. И чем ближе приближался он к ней, тем стройнее и длиннее становилось его тело. И превратился он в стрелу.

Алида, внимательно слушавшая рассказ старика, глядела на воду и вдруг увидела далеко-далеко огромный многоцветный лук. Один конец его упирался в дождевую завесу, другой — в реку.

— Радуга! — крикнула она, показывая в ту сторону рукой.

Рудольф вскочил и долго смотрел на радугу, удивленный тем, что она появилась именно тогда, когда дедушка начал свой рассказ.

— Стой, дедушка! — крикнул он, поднимая руку. — Дальше я знаю, что было. Богатырь приблизился к радуге, и она, как большой лук, пустила его лететь по свету...

— Что ж,— сказал старик, закидывая вверх голову,— радуга походит на большой лук — вон она какая красивая, разноцветная.

— Она дрожит, будто кто-то натягивает тетиву!

Рудольф смотрел в небо, и виделся ему человек-стрела: где пролетит он — там враги валяются, а добрые люди яркий свет видят и ликуют...

...Однажды Рудольф долго пробыл у бабушки в сторожке и возвращался домой поздно. На крыльце его остановила тетя.

— Рудольф, иди в подвал, там Алида покормит тебя. А потом надо прокатать белье.

Она говорила быстро, отрывисто бросая слова, и, не закончив, отвернулась.

В подвальной комнатке, где на досках для глаженья был установлен тяжелый деревянный каток, уткнувшись лицом в сырую стену, стояла Алида.

— Что с тобой? — испуганно спросил Рудольф.

Алида повернулась, и Рудольф увидел ее заплаканное лицо.

— Ты плачешь? Что случилось?

Сестра не отвечала. И что-то толкнуло Рудольфа в спину, он бросился вверх — в комнатку матери. Женщины, стоявшие у двери, расступились. Тихонько открыв дверь, Рудольф, чувствуя, как колотится сердце, остановился на пороге...

Уже несколько месяцев мать жаловалась на боли в желудке, пила настои трав, но помогали они мало, худела она с каждым днем. Умерла больная, так и не сходя к врачу. Лишь за три часа до смерти оставила она работу. Это случилось в 1904 году. Рудольфу исполнилось только тринадцать.

...Через несколько дней по главной улице города прошли двое: старый дед с усами и бакенбардами и подросток в полинялой куртке. Проходя мимо большого красивого здания с белыми колоннами, они остановились.

— Это университет, — сказал дедушка и выпятил верхнюю губу, отчего усы зашевелились. — Говорят, на многие страны знаменитый. А вот учиться в нем не всякий может. Не для нас он.

— Я, дедушка, знаю...

Они постояли молча, потом также молча свернули на другую улицу.

— Ничего,— говорил старик,— хоть и нет теперь у тебя ни отца, ни матери, а добрые люди не перевелись. Пойдешь по отцовской линии — он у тебя был мастеровым, и ты им будешь. Да не простым мастеровым, а инструментальщиком. Инструмент — дело верное, инструмент людям всегда нужен. Так что без работы сидеть не придется...

Так Рудольф Тольмац стал учеником слесаря в частной мастерской по изготовлению специального точного инструмента.

Эту главу я написал по материалам, сообщенным мне Алидой Яновной Тольмац.

О детстве и юности Р. Я. Тольмаца нет ничего опубликованного. В газете «Фрезер» (№ 55, 1 сентября 1933 г.) напечатана статья «Жизнь, проведенная в борьбе». В ней рассказывается о том, как Рудольф Янович 26 августа 1933 года проходил партчистку. Зал, где заседала специальная комиссия, был переполнен, даже все проходы были забиты. Тольмац говорит: «Родился в 1891 году в Риге, в семье рабочего, с 13 лет пошел сам работать, в 1907 году вступил в подпольный кружок».

Конечно, этих скудных данных было слишком мало для того, чтобы представить, как формировался характер Тольмаца-юноши. Мне удалось найти адрес сестры Рудольфа Яновича Алиды Яновны — она живет в Темир-Тау. Я написал ей и с нетерпением ждал ответа.

Наконец пришел толстый пакет.

«Я от всей души была бы рада выполнить все Ваши просьбы, но, к великому сожалению, прошло очень

много лет, многое забыто, письма не сохранились, газетных вырезок нет...»

Начало не слишком ободряющее, но дальше... дальше Алида Яновна рассказала о том, что мне было нужно. Она хорошо помнит и двухколесную легкую тележку, и дедушкину сказку о волшебной стреле, и ту радугу, что пила из реки чистую воду. Но главное, Алида Яновна помогла мне своими сведениями о том, как Тольмац становился революционером.

Еще в школе у Рудольфа был друг — Петя, взрослый брат которого был подпольщиком. Он-то и начал давать ребятам политические журналы и книги, и они читали их по ночам. В мастерской у Рудольфа было много друзей, его все полюбили, он хорошо усваивал премудрости своей специальности. Потом он уехал в Бежицу, где жила средняя сестра — Аделэ, и работал там на заводе. «Когда семья Аделэ переехала в Петербург, Рудольф через некоторое время приехал к ним, но жить стал отдельно — в Лесном, номер дома я забыла, но помню, что рядом был кинематограф. Я к тому времени закончила школу и служила гувернанткой и воспитательницей детей в различных богатых домах. Однажды я увидела у брата множительный аппарат, листовки и брошюры. И тут я поняла, что Рудольф стал революционером...»

У питерских рабочих

Мастер на вид был шуплый, остроносый, и козырек его кепки свисал на глаза.

— Это что же ты делаешь-то, красотка?

В тоне его голоса слышались и угроза и насмешки.

— А что я такого сделала?

Нюра, стоящая у сверловочного станка, слегка повернула голову, и в это время широкая и костистая ладонь мастера легла ей на плечо. Глаза из-под козырька кепки глядели выжидательно, с чуть прикрытой усмешкой.

— Руку-то уберите! — дернула плечом Нюра.

— А ты не дергайся, милашка, не дергайся. Гляди — опять деталь заporола. Это же капсюль, на войну работаем, а ты брак гонишь.

— Да где вы брак увидели! Делаю все точно! Посмотрите!

Мастер, нагибаясь, осторожно обхватил рукой ее талию. Нюра быстрым движением правой руки выключила станок и, повернувшись, толкнула мастера в грудь.

— Эх и глазки у тебя — так и играют! — засмеялся мастер, стараясь все обратить в шутку.

— Не подходите ко мне, слышите! А то я и по роже могу дать!..

— Ну вот, сердисься. А я тебя хотел в браковщицы перевести. Работа там сидячая, ножки для танцев сбережешь, а зарабатываешь не меньше.

По лестнице, ведущей на третий этаж, спускался парень — выше среднего роста, крепкого сложения, брови вразлет, губы четко очерчены, на подбородке ямочка. Он шел не спеша, насвистывая какую-то незнакомую песенку. Сколько раз видела Нюра этого парня! Однажды совсем рядом шли по лестнице: Нюра на второй, он — на третий этаж. И ни разу она не слышала его голоса. Только как-то заметила, что парень остановился на площадке и долго смотрел вниз — туда, где стоял ее станок.

Мастер перехватил Нюрин взгляд, и улыбки на его лице как не было.

— Понятно,— тихо протянул он,— значит, в его сторону стреляешь? Слесарь-лекальщик высокой квалификации. Семью всегда прокормит.

— О чем это вы? — растерялась Нюра.

— А ты дурочкой не прикидывайся! Включай станок! — Мастер резко повернулся и пошел по пролету цеха вслед за парнем.

Нюра включила станок...

На заводе Нобеля она сначала выполняла разную черную работу, но, когда грянула война, мастер поставил ее к станку. И теперь все чаще и чаще подходил к ней, заигрывал, однажды даже пригласил в кинематограф.

Нюра понимала, что дальше так продолжаться не может — все равно поведение мастера вынудит ее уйти из цеха...

Кто-то окликнул ее, она обернулась: перед ней стоял тот строгий парень-лекальщик.

— Вы Филиппова? — спросил он, почти не разжимая пухлые губы.

— Да-а,— Нюра растерянno кивнула головой — в цехе к ней еще никто не обращался на «вы».

— Мы собираем деньги в рабочую кассу.

«Господи, да он не русский,— быстро подумала Нюра,— «сопираем теники», ну и чудак! Да еще и покраснел!»

А парень действительно покраснел, оглянулся и закончил:

— Может быть, и вы запишетесь?

Нюра поймала его жест и увидела в руке смятый листок.

— Что ж, запишусь. А сколько нужно?

— Я скажу вам после работы! — быстро бросил парень и, не простившись, ушел. Шагал он широко, прямо держа голову на высокой шее.

«После рапорты»,— повторила про себя Нюра и с улыбкой покачала головой.

Чего только не напредставляла она в оставшиеся часы! Ждать он ее будет, конечно, у проходной, пропустит мимо себя, потом догонит, окликнет, может быть, даже, как галантный кавалер, предложит извозчика. А потом... Что будет потом, Нюра не знала.

Из проходной она вышла быстро, сделала несколько шагов и остановилась. Обгоняя ее, шли рабочие. Нюра видела их удаляющиеся спины. Ее толкали со всех сторон, а она все стояла. Потом пошла тихонько. Но никто ее не окликнул.

Жила Нюра на Выборгской стороне, на улице Чугунной. Можно было бы сесть на несколько остановок в трамвай, но тогда... тогда он вообще ее не увидит. И она шла, и с каждым шагом уверенность на встречу таяла, и на сердце становилось все тяжелее и тяжелее.

«Ну и пусть! — подумала Нюра, стараясь как-то приободрить себя. — Подумаешь, кавалер!»

Нюра уже совсем перестала думать об этом странном парне, успокоилась. Но вдруг остановилась. Пересекая мокрую, всю в выбоинах мостовую, навстречу шел он... Нет, это был не тот парень в замасленном пиджаке — шел молодой человек в шляпе, в длиннополном добротном пальто, высокую шею облегал белоснежный воротник с загнутыми концами и цветной, с косой полоской галстук. И все-таки Нюра сразу узнала, что это он.

— Добрый вечер, — сказал он, притрагиваясь рукой к полям шляпы.

— Здравствуйте! — ответила Нюра и быстро подумала: «Когда он успел переодеться?»

Они шли рядом и молчали. Нюре было стыдно, что она одета так плохо, по-рабочему, и очень хотелось, чтобы он скорее ушел.

Наконец он спросил:

— Так сколько вы жертвуете в кассу?

— Пять рублей! — бодро проговорила Нюра.

Он едва заметно улыбнулся. На левой щеке появилась круглая ямочка и тут же исчезла.

— Не много ли? Думаю, можно дать и три рубля.

— А вы за меня не думайте! — оборвала его Нюра гордо. — Я, слава богу, не бедная.

— Ну что ж, спасибо...

Он протянул ей карандаш, положил листок на левую ладонь и пальцем указал, где надо писать. Нюра расписалась.

— Желаю всего хорошего, — сказал он, снова пригнулся рукой к шляпе и поклонился.

...На другой день мастер опять подошел к Нюре, но на этот раз он был загадочно молчалив и сосредоточен.

— Хорошо работаешь, хвалю, — сказал он, рассматривая только что снятую со станка деталь. Но Нюра чувствовала, что главный разговор впереди. И не ошиблась.

— Вчера я видел, как к тебе этот парень подходил, — сказал мастер и подмигнул. — Он что тебе, подписаться на пожертвование предлагал?

— Да.

— И ты отказалась?

— Отказалась.

— Правильно сделала. Видел я, как он от тебя отлетел — словно шар от кия. — Мастер усмехнулся: — Этот чухна опасный человек. Я за ним давно слежу.

— А что за ним следить — он не шпион, — беспечно сказала Нюра.

Мастер поморщился:

— А может, милка, еще и почище шпиона. Он из тех, что против царя идут. Понятно?

Нюре очень хотелось, чтоб мастер выговорился до конца, и она решила продолжить игру в наивность.

— Да неужели есть такие люди? — спросила она, округлив глаза.

— Всекие люди есть, — уклончиво сказал мастер и предложил: — Завтра встанешь на браковку. Но с уговором: будешь мне рассказывать. — Он выразительно мигнул.

— А что рассказывать?

— Кто против войны говорит, против начальства, кто на забастовки подбивает... Твое дело слушать да напоминать. Согласна?

Как кляла себя Нюра, что в ответ на предложение мастера только и сумела растерянно кивнуть головой! Но к концу смены она уже знала, что ей необходимо сделать. Лекальщики работали на третьем этаже, мимо нее по лестнице идут, значит, надо остановить того парня и предупредить. Нюра так и сделала, правда, слов она не нашла — к горлу подкатил твердый комок, но зато успела ухватить парня за локоть.

— Здравствуйте, — весело кивнул он и нагнулся, чтоб заглянуть ей в глаза.

— Не уходите, — выдохнула девушка, — нам надо поговорить.

По дороге к проходной они свернули за котельную, и тут Нюра, сбиваясь, рассказала о разговоре с мастером.

— Вот оно как! — нахмурился парень. — Спасибо. Я и сам заметил, что этот прохиндей следит за мной.

— Значит, вы и в самом деле... — Нюра замялась, не зная, какое произнести слово.

— Да, я в самом деле против царя. А вы? Неужели вам нравится эта жизнь? — Он заметил, как растерялась Нюра, и, чтобы помочь ей преодолеть растерянность, сказал: — Давайте познакомимся по-хорошему.

Меня зовут Рудольф Тольмац, я эстонец. Потому и говорю не очень чисто по-русски.

— А я думала, вы финн,— сказала Нюра, пожимая протянутую руку.

— Теперь мы с вами состоим в заговоре,— сказал Рудольф, чуть сдвигая широкие брови.— На заводе будем делать вид, что незнакомы. Согласны?

Нюра быстро кивнула.

— А в выходной пойдемте гулять, покатаемся по Неве, сходим в кинематограф...— Заметив, что она от-вернулась, Рудольф понизил голос и замолчал.— Или вы заняты? — спросил он совсем тихо.

— Нет-нет! — воскликнула Нюра.— Я с удовольствием пойду. Только вот как быть с мастером?

Рудольф смотрел на нее с улыбкой, которая так красила его подвижное лицо.

— А предложение мастера принимайте. На браковке работа полегче...

— А что я ему буду говорить?

— Мы найдем, что ему сказать, Нюра...

Слово «Нюра» Рудольф произнес тихо и не сразу, а после небольшой паузы, но произнес мягко и по-особенному нежно...

— Вот так мы и познакомились...— с улыбкой сказала Анна Агеевна и задумалась.

Ее я разыскал довольно легко — она живет в самом центре Москвы. Сейчас уже пенсионерка, бабушка, она по-прежнему деятельна и во многом помогла работникам Бердянского краеведческого музея своими воспоминаниями о Рудольфе Яновиче Тольмаце.

— Рудольф,— рассказывала она,— снимал ком-натку в Лесном, в доме мастера завода «Новый Лесс-

нер». Ездить на «Нобель» было далеко — сначала надо было ехать на паровике, потом трамваем. Я удивлялась, почему он не снимет комнату где-нибудь поближе. Только потом поняла — так ему легче было уходить от шпиков.

Как и следует молодым людям, мы по вечерам часто гуляли, ходили в театр, в Народный дом. Помню, как стеснялся он, когда впервые пришел к нам. Говорил мало, на маму смотрел влюбленными глазами. И она его сразу полюбила. Жизнь нашей семьи складывалась трудно. Мой отец Агей Филиппович умер, когда мне было четыре года. Мать Наталья Ивановна осталась с тремя дочерьми и четырнадцатилетним сыном Александром. Мои старшие сестры были белошвейками, я сначала помогала сестрам в шитье, но, когда подросла, пошла работать на завод Нобеля. Брат Александр с ранних лет мечтал стать музыкантом. Самоучкой он выучился играть на многих инструментах, подружился с купеческим сыном и научился играть на фортепиано. После смерти отца мечты о поступлении в консерваторию пошли прахом. Александр стал токарем. В тот вечер Александр много пел — у него был хороший баритон. Рудольф поднялся восхищенный.

«Черт фосьми,— говорит,— да тебе, друг, нужно в театре петь! Ничего, вот скинем Николашку, я тебя непременно в театр устрою».

Мама от этих слов руками всплеснула, а брат говорит: «Руку!» Рудольф подал руку...

Анна Агеевна помолчала и окинула меня посветлевающим взглядом:

— И что вы думаете — он сдержал свое слово. В 1921 году несколько месяцев он был в Могилеве председателем исполкома и чрезвычайной комиссии, я работала в справочном бюро ЧК. Время было неспо-

койное, суровое. Как-то он говорит: «Срочно шлю телеграмму Александру. Мы открываем городской театр...» И брат приехал и возглавил первую труппу театра...

...Хорошо помню ту ночь, когда Рудольф сделал мне предложение. Мы уехали на пароходике за город, пели, смеялись, бегали среди сосен, как дети. А когда возвращались, в вагоне к нам подсел какой-то тип. Рудольф шепнул: «Иди в другой вагон...» Я ушла, хотя и недоумевала, почему я должна уходить. На вокзале я долго ждала его, потом села в трамвай. Было очень грустно и одиноко. Но у ворот нашего дома он окликнул меня. И мы пошли на берег Невы. Рудольф говорил, что уже давно приметил меня, но стеснялся подойти, что в тот раз, когда я подписывалась на пожертвование, он ушел из цеха раньше и переоделся в квартире у друга. Ему тогда очень хотелось понравиться мне.

«Но почему ты велел мне уйти?»

«А ты не догадалась? Я большевик, парттехник, в партии с двенадцатого года... Вот шпики и играют со мной в кошки-мышки. Они еще ни разу меня не ловили, злятся — им очень хочется поймать меня».

«А что такое парттехник?»

И тут он начал рассказывать, что каждый член партии имеет свои обязанности — один устраивает конспиративные квартиры, другой собирает деньги, третий ведет агитаторскую и пропагандистскую работу. Сначала Рудольф был агитатором, но из-за акцента, по которому его легко узнать, пришлось пойти на другую работу. Теперь он вручную изготавливает листовки и брошюры. Дома у него спрятан мимеограф, и, получив текст листовок, он по ночам размножает их.

«Но ведь это опасно. Тебя могут схватить, и тогда — каторга».

«Конечно,— сказал он,— борьба есть борьба, и они могут схватить меня. Но, как бы то ни было, победим мы!»

...Через несколько дней я все рассказала маме. Рудольф ждал у ворот, и, когда я позвала его, он очень растерялся, в комнату вошел весь красный.

«Что ж, детки, благословляю...» — сказала мама и потянулась рукой к иконе.

«Наталья Ивановна,— говорит Рудольф,— я в бога не верю...»

«Как же так! И венчаться не будете?»

«Зачем венчаться? Разве поп со своим кадилом сможет устроить нашу жизнь? Мы ее сами устроим...»

На берегу Невы, недалеко от Троицкого моста, стояла часовня, в ней была большая икона Спасителя. И мама часто ходила сюда молиться. Вот в одно из воскресений она и говорит:

«Пойдемте прогуляемся, по набережной пройдемся».

Мы пошли. Вижу, ведет она нас к часовне. А Рудольф увлекся, что-то рассказывает мне. У часовни народ толпится, нищие стоят в два ряда. Мама пошла через толпу. «Наталья Ивановна, куда вы?» — спрашивает Рудольф. А она повернулась и быстро перекрестила нас. «Вот,— говорит,— теперь идите, гуляйте, а я уж за вас, безбожников, помолюсь...» А Рудольф потом часто смеялся: «Ловко она нас обвенчала!»

Семь месяцев мы жили в Лесном. Я помогала Рудольфу размножать прокламации. Многие из них призывали: «Долой войну!» И это мне было понятно — все простые люди были против войны. Но вот однажды я прочла: «Долой царское правительство! Да здравствует демократическая рабочая партия! Да здравствует социализм!» И Рудольф долго объяснял мне, что же это такое — социализм. Говорил он горячо,

иногда рубил воздух взмахом руки, и я совсем не замечала его акцента.

1 мая 1915 года мы вместе с большевиками «Айваза» праздновали в Левашовском лесу — выступали ораторы, и я впервые по-настоящему поняла, что такое боевой, сплоченный коллектив. Я уже познакомилась со многими друзьями Рудольфа — с Василием Шмидтом, с Михаилом Арсеничевым, с Федором Ивановым.

А слежка все усиливалась. Тот мастер, что запугивал меня, был против настоящих шпииков пешкой. Друзья Рудольфа как-то прижали его в темном углу и сказали: «Брысь под лавку! А то мы тебя на тачке с завода вывезем». И вывезли. Во время стачки, но это было уже после ареста Рудольфа.

— А как его арестовали?

— Вижу, Рудольф ходит невеселый, хмурый. «Что случилось?» — спрашиваю. «Кажется, в группе появился провокатор. Уж слишком много провалов...» Как-то ушел он к Василию Шмидту, они должны были вместе пойти на собрание. Я долго ждала и не заметила, как уснула. Утром вскакиваю — нет Рудольфа. Хозяйка спрашивает, где муж, а я смеюсь: «Загулял», — говорю.

И на следующую ночь он не пришел. А утром входит хозяйка и говорит: «Ты, милая, зря руки сложила. Раз твоего две ночи нет, значит, плохо дело. Все, что у себя храните, прятать надо...» Я тут и опомнилась. Вместе с хозяйкой закопали мы за сараем мимеограф, краску, пачки прокламаций и чистой бумаги. А вечером жандармы нагрянули с обыском. Как потом я узнала, Рудольфа схватили ночью, когда он шел с собрания. Фамилию свою он не назвал. И пока устанавливали его личность, прошло почти двое суток. Он надеялся, что я догадаюсь спрятать все улики.

Одиннадцать месяцев сидел он на Шпалерной в доме предварительного заключения, я передачи носила, ходила на свидания. Встанет он, бывало, к решетке, ухватит железные прутья крепкими руками и молчит. Только глаза радостью светятся. Однажды спросил: «Если в Сибирь угонят, поедешь?»

Что я могла ответить? Да и зачем он спросил про это? Ведь знал — хоть на край света поеду...

Но, как ни старалась охранка, приписать каторгу не могла — улик было слишком мало. Дали ссылку, но, так как шла война, определили в дисциплинарный батальон, чтоб угнать на фронт, под немецкие пули.

Из Шпалерной перевели его на Фонтанку — там был вроде как бы этапный двор: арестованных собирали в большие партии и угоняли кого куда надо. Выпросила я у коменданта свидание. Привели меня в большую казарму. В стене окошко, а рядом солдат. Через несколько минут в окошке показалось лицо Рудольфа, я подбежала, хочу поцеловать его, а окошечко маленькое — из него только нос да щеки видны. Сунула солдату рубль, он меня впустил. Встали мы с Рудольфом в коридоре, под лестницей, и наговорились вволю. Я ему хотела принести теплую шубу, шапку, а он смеется: «Меня теперь сам царь оденет. Да недолго я буду носить его шинель — убегу...»

Тут я заметила — у окна тихо разговаривает с миловидной дамой мужчина с маленькой бородкой и в очках. «Где я его видела?» — мелькнул у меня вопрос.

Вскоре солдат выпроводил меня, мы попрощались, и у ворот я познакомилась с той женщиной, что стояла у окна. Она назвалась Екатериной Ивановной Лорберг...

И тут я вспомнила: неподалеку от Финляндского вокзала была небольшая мастерская по изготовлению инструмента. Туда часто ходил Рудольф на встречи с

товарищами и с каким-то Лорбергом. Потом мы не раз заходили в ресторанчик «Пальмира» — это была одна из явок. Однажды с нами за столиком сидел человек с бородкой и в очках. Как он назвался, не помню, но теперь-то я знаю, что это был Михаил Иванович Калинин. Они о чем-то тихо поговорили с Рудольфом, пожали друг другу руки, и человек, вежливо кивнув мне, ушел. Рудольф потом сказал как всегда с загадочной улыбкой: «Вот это настоящий инструментальщик».

...Несколько дней дежурила я у ворот этапного двора. Каждый день под усиленной охраной выводили группы арестованных и вели на вокзал. Но Рудольфа среди них не было. Наконец я увидела его — он шел в третьем ряду, похудевший, в какой-то грязной телогрейке. До самого вокзала шла я рядом с конвойным, стараясь перекинуться словом с Рудольфом. Но солдат отталкивал меня прикладом, я запнулась, упала и заплакала. Горько мне было оттого, что послушалась Рудольфа и не принесла ему теплую одежду. Осень была холодная. И мне казалось почему-то, что мы никогда не увидимся больше.

...Арестованных провели к вагонам через товарный двор. В воротах Рудольф обернулся, высоко вскинул правую руку и помахал шапкой.

О том, что Тольмаца связывала с Михаилом Ивановичем Калининным давнишняя дружба, мне рассказывали многие ветераны завода. Книга «Советский Фрезер (Два года освоения производства)», вышедшая в 1934 году под редакцией Р. Тольмаца, посвящена «старейшему инструментальщику, всесоюзному старосте, нашему дорогому и любимому Михаилу Ивановичу Калинин».

Но лишь рассказ Анны Агеевны помог восстановить разорванную цепь событий петербургского периода жизни Р. Тольмаца.

В 1914—1916 годах Михаил Иванович, работая на заводе «Айваз», входил в Петербургский комитет, руководил большевиками Выборгской стороны. Его партийная кличка была «Никанор Петров». В кооперативную мастерскую, именовавшуюся инструментальной, и ресторанчик «Пальмира» сходились ниточки с заводов Выборгской стороны.

Тольмац по условиям конспирации работал на многих заводах Петербурга, в том числе и на «Айвазе». Михаила Ивановича он мог видеть не только на собраниях, митингах, маевках и на явочных квартирах, но и за станком. Сам прекрасный лекальщик, он с юношеских лет любил людей, работающих с металлом, людей, у которых золотые руки. Ведь брата Нюры он любил не только за музыкальную одаренность, но и за то, что тот был отличным токарем...

Михаил Иванович был арестован позднее Тольмаца — в начале января 1916 года. Но на суде они проходили, можно сказать, по одному «делу», и сидели в одной тюрьме — на Шпалерной, и на прогулках вполне могли встречаться...

Побег

Барак был сколочен из сырого горбыля, на скорую руку. Тольмац лежал на нарах и прислушивался к голосам, долетающим из-за стенки.

— Итак, поручик, вы теперь понимаете, с кем мы имеем дело? Дисциплинарный батальон — это бывшие

арестанты, так называемые амнистированные, сменившие арестантский халат на солдатскую шинель.

— Да, нашему положению не позавидуешь, полковник. Сегодня я спросил одного: «За что сидел, братец?» И знаете, что он мне ответил? «Я,— говорит,— ваш бродь, мастер на все руки — что ножом, что топором...»

— До какого позора докатилась матушка-Россия! При дворе — хаос, в окопах — уныние, а мастеровщина ждет удобного момента...

Голоса смолкли, скрипнула дверь — офицеры, очевидно, вышли на плац.

Еще на пересыльном дворе Тольмац получил от товарищей шифрованное письмо. Ему предлагали бежать, так как попасть на фронт в составе дисциплинарного батальона значило подвергнуть себя ненужному риску. Вести агитацию среди уголовников бессмысленно. А в тылу ждала настоящая боевая работа.

Сначала Рудольфу казалось, что совершить побег где-нибудь по дороге будет совсем нетрудно. Но на деле все оказалось гораздо сложнее. В последние дни охрану устроили, вагоны не открывали до самого Новгорода, а здесь поместили в лагерь, окруженный колючей проволокой, вышками с часовыми и пулеметами.

Начались солдатские будни — подъем, молитва (в присутствии полкового батюшки), маршировка, учебные стрельбы, занятия по преодолению препятствий с неизбежным «бей, коли!». Младшие офицеры, выходцы из семей богатых казаков, были свирепы и обращались с солдатами, как с арестантами. Да солдаты и были арестантами — уголовники различных мастей: домушники, карманщики и настоящие громы. Все они знали, что в бой их поведут под огнем

своих же пулеметов, и потому каждый старался бежать из лагеря. На третий же день Рудольф был свидетелем гнетущей сцены расстрела дезертира перед строем. Дезертир, огромного роста громила, плевался и матерился во все горло до тех пор, пока не прозвучал залп.

Стоя над трупом расстрелянного, полковник произнес речь о солдатском долге, чести, о той каре, которая ждет изменников и трусов...

Страшно... Но Тольмац думал по-прежнему об одном: как бежать?

Друг Рудольфа Федор Иванов, схваченный при расклевывании листовок, заболел еще в тюрьме, страшно кашлял, сплевывая желтую мокроту. В лагере он совсем слег. Его поместили в санчасть. Тольмац пришел навестить друга. Его встретил полковой фельдшер.

— У Иванова чахотка. Я хлопочу, чтоб его направили в госпиталь, но начальство упорствует. Говорят, симулянт.

— Может быть, нам подать протест?

— Что вы! Тогда и вы и я можем попасть в трибунал. Тут у них свои порядки. Нет, я уж как-нибудь сам все улажу. Но Иванову пока ничего не говорите.

Федор встретил друга своей мягкой улыбкой, на лбу возле стриженных волос поблескивали капельки пота.

— Рудольф, я ведь все знаю,— тихо сказал он в конце беседы,— простуда у меня не простая...— и закашлялся. А отдышавшись, продолжал: — Мне бы в госпиталь попасть.

— Фельдшер обещал перевести на той неделе.

— Он хороший человек. Поможет...— Федор повел глазами в сторону и пальцем поманил Тольмаца. Тот

нагнулся.— Тебе бежать надо. За нашим бараком, слева, одна доска с одного конца не прибита. Там я ножницы спрятал — проволоку резать. А в Новгороде у меня живет тетка...— Он тихо прошептал адрес.— Она одна живет. К ней явишься, привет передашь. А она тебе одежонку сгоношит. Понял?

Тольмац обнял друга за худые плечи.

— Спасибо, Федя!..

Вечером во время чистки оружия Тольмац зашел за барак, нащупал оторванную доску и увидел длинные ручки ножниц. Ночью он решил бежать. Ему казалось, что все готово. Место, где придется резать нижние ряды проволоки, он выбрал удачно — туда вела неглубокая канавка, по которой можно было проползти по-пластунски. И от вышки было метров семьсот, а по ту сторону изгороди начинался редкий лесок, виднелся косогор и на нем часть дороги, дороги его спасения...

Часа в три Рудольф тихо поднялся с нар, прошел мимо спящего на табурете дневального и начал красться вдоль барачной стены. Вот и заветная доска. Нагнулся, и в это время кто-то навалился на него сзади и так сдавил горло, что сразу перехватило дыхание.

— Ты что тут, гад, прячешь? — через минуту услышал Тольмац хриплый шепот.— Я за тобой давно слежу. Показывай, что спрятал...

В темноте Рудольф различил грузную фигуру рябого солдата из второго взвода. «Все пропало,— с ужасом подумал он, прислоняясь головой к стене.— Этот негодяй сейчас поднимет шум, и все раскроется...»

— Да ты никак задохнулся! — солдат начал сильно бить его ладонями по щекам. Тольмац отшвырнул его.

— Что тебе надо?

— Половину.

— Какую половину?

— А там посмотрим какую. Вытаскивай.

Тольмац быстро вынул ножницы с длинными ручками.

— И все?

— Все.

Солдат сам пошарил рукой в невидимой пустоте и, чертыхаясь, сплюнул.

— Бежать надумал?

— Бежать. (У него получилось: «Пежать».)

— Да ты же не русский! Как ты к нам попал?

— Я политический.

— Во-он что,— протянул солдат.— Значит, и вас стали на фронт гнать?.. Ну, будем знакомы. Я — Васька Козырь. Слыхал? Нет? Ты про меня у медвежатников спроси. Они тебе порасскажут. Знаешь, что это — медвежатник?

— Слышал. Банки грабите.

— Вот и то-то что «панки».

Тольмац не на шутку разозлился — насмешки уголовника были противны ему:

— Ты же меня чуть не задушил! Сзади схватил, герой.

Рудольф поднялся. Васька быстро отступил и проговорил миролюбиво:

— Всякое бывает. Прячь свою машинку. А завтра поговорим...

На следующий день Васька Козырь подошел к Тольмацу на стрельбище.

— Ну, отстрелялся?

— Отстрелялся.

— Я тебе решил помочь.

Рудольф смотрел на Ваську недоверчиво.

— Куда прийти в Новгороде есть?

— Есть.

— А деньги?

У Тольмаца, кроме нескольких медяков, денег не было.

— Да как же без денег! Ладно, я тебе дам десятку.

Вскоре Тольмац убедился, что Козырь имел кое-какой опыт в организации побегов. Он придирчиво оглядел место, где Тольмац собирался резать проволоку, посоветовал разделить побег на два этапа — в одну ночь расчистить путь, а уж в другую — бежать. Так меньше риска попасться.

— Проволоку порежешь аккуратно и так и оставь. За день не заметят. А на другую ночь побежишь. Да рукавицы не забудь.

И еще один совет учел Тольмац — уходить не за косягор, где идет дорога, а пробиваться лесом к реке, там вплавь перебраться на другой берег и в город войти со стороны железной дороги, укрываясь за насыпью.

— Я, брат, из Сибирского централа уходил, — хвастался Козырь, — и не трусь: раз говорю — убежишь, так оно и будет.

В следующую ночь Тольмац разрезал проволоку, а ножницы закопал в землю и присыпал опавшими листьями. Перед ужином он забежал в санчасть к Феде, и тот подробно рассказал ему, как найти теткин дом, если идти со стороны железной дороги. Вечером Васька Козырь нашел Тольмаца «на перекуре», возле деревянных ящиков с песком.

— Вот удача так удача! — зашептал он. — Завтра наш взвод идет в наряд. Я буду стоять часовым у главных ворот. Ты в полночь изготовься, проволоку загни и, как я подниму на своем конце стрельбу, тикай. Ясно?

— Ну, это ни к чему,— возразил Тольмац,— так ты на меня охрану наведешь.

— Дура,— тихо и незлобиво сказал Васька.— Да я им такую штуку разыграю — все ко мне бросятся. А ты и уйдешь спокойно.

— Нет, Козырь, не надо. Ты и так мне многое сделал. Спасибо.

— А ты спасибом-то не отговаривайся. Я тоже хитрый: чую, что вы, политические, силу берете. Так вот, как властью станешь, не прижимай Ваську Козыря. Идет?

День тянулся медленно и нудно. Со стрельбища второй взвод ушел раньше — готовиться к предстоящему наряду. Васька Козырь успел незаметно махнуть Тольмацу рукой.

«Вот леший,— думал Тольмац,— он сдержит свое слово — затеет шум и стрельбу у главных ворот...» Хорошо или плохо это для него, Рудольф не знал, наступила какая-то апатия, страха совсем не было...

Ночь выдалась темная, шел дождь с маленькими холодными крупинками снега. Рудольф подполз к проволоке, руками в рукавицах отогнул концы, соединенные кусочками проволоки, и пополз. Впереди был высокий забор. Орудая ножом-складнем, начал подкапываться под него. В это время на другом конце лагеря раздался выстрел, потом подряд еще несколько выстрелов, у дальнего барака слышались громкие голоса — первый батальон поднимали по тревоге. Тольмац уже был по другую сторону забора. Он бежал по каким-то кочкам, падал и снова вскакивал, натываясь на ветки кустов. По склону догадался, что впереди река.

Тольмац отлично плавал, но плыть в ледяной воде среди крошечного мрака ему не приходилось. Вскоре ноги достали дно...

Взобравшись на косогор, Рудольф вылил воду из сапог, обжал штаны и гимнастерку, сорвал погоны и сунул их в карман. Теперь, прячась за железнодорожной насыпью, он шел в город.

И вдруг он упал лицом вперед. У железнодорожной стрелки стояли три солдата — штыки их взятых на ремень винтовок слегка поблескивали своими гранями.

Они о чем-то говорили, но слов Тольмац не разобрал — от страха кровь в висках заколотилась так сильно, что заломило затылок. Вот в сложенных горсточкой пальцах вспыхнул огонек, солдаты прикурили и начали беззвучно удаляться, все дальше, дальше, пока не растворились во мраке. А Рудольф все еще лежал — пальцы рук одеревенели, шея затекла и не сгибалась, кровь прилила к вискам. «Неужели я трус?.. Почему я так испугался? Почему сердце не подчиняется мне и колотится так громко?» Эта мысль была нестерпимой. Кое-как встал на колени, распрямился, но идти не мог — ноги не подчинялись.

«Нет, я все равно дойду, я найду Федину тетку, переоденусь... Я вернусь в Петроград, и Нюра накормит меня и согреет...»

Но холод, которого раньше как-то не замечал, пронизал всего, до самых костей, судорогой свело челюсти, и так было трудно сделать первый шаг...

Анна Агеевна рассказала:

— После определения Рудольфа в дисциплинарный батальон я перебралась к маме на Чугунную. Старшие сестры по ночам выполняли сдельные заказы — шили манишки, воротнички, манжеты. Я им,

как могла, помогала. Однажды во втором часу ночи раздался звонок.

«Нюра, это Рудольф...» — догадалась по звону одна из сестер.

Я бросилась к двери, открыла... Стоит он худой, весь заросший колючей щетиной, в каком-то совершенно немыслимом рыжем демисезонном пальто.

...Тогда он рассказал мне о своем побеге, о своем страхе, о своих трехнедельных скитаниях, говорил тихо, смущенно и все заглядывал мне в глаза: хотел узнать, как я восприму его признание. Я же знала, что он сильный и не трус. А страх, настоящий страх, сковывающий все тело, может испытать каждый человек.

К тому времени я уже активно включилась в подпольную большевистскую работу. Наши заводские ребята раскрыли провокатора — им оказался неприметный паренек по имени Фаддей. Из-за его предательства арестовали многих рабочих. Сидели они в камерах при Выборгском полицейском участке. Мы попытались устроить товарищам побег. В испеченной булке я передала заключенным маленькую пилку. Окна камеры выходили на Гренадерский мост. Под окнами был большой сад. В назначенный час мы с подругами гуляли по саду и все смотрели в сторону тюремных окон. До полночи проходили и ничего не дождались. Оказалось, что наших товарищей перевели в тюрьму на Васильевский остров...

Я рассказала Рудольфу о работе нашей группы, о провалах, о провокаторе. Решили, что идти по старым адресам опасно. И дня через два я повела его на Петровскую сторону к финнам — подпольщикам.

Вышел он от них сумрачный.

«Мне предложено ехать в Москву».

«Так это хорошо! Твоя сестра перебралась в Москву. У нее и остановишься».

«Все бы хорошо. Да вот паспорта нет. Дали чей-то старый, его надо продлить. Но как это сделать?»

И он протянул мне старый, замусоленный паспорт на имя Августа Августовича Хартикайнена.

«Значит, ты теперь финн?»

«Но ты же сама меня вначале приняла за финна! С финским паспортом меня не возьмут в армию. А это как раз то, что нужно».

Решили сделать так: Рудольф сегодня же уедет в Москву, а я пойду в финскую экспедицию с прошением продлить паспорт. Прошение составили по всей форме, и, проводив Рудольфа до вокзала, я пошла разыскивать экспедицию. Народу в канцелярии битком набито. Я пробилась к дверям, дала чиновнику «на чай» и прошла в кабинет.

«А почему ваш муж сам не пришел?»

«Господин директор,— говорю,— он сильно болен, лежит уже три месяца, не вставая, у него туберкулез, нужно ехать в деревню, к родным, но из-за паспорта...»

И начинаю плакать.

«Директор», или как уж там называли чиновника, морщится, подает воды, а я еще сильнее плачу.

«Ну, хорошо,— говорит,— зайдите через неделю...»

И вот через неделю я в Москве, прихожу по адресу сестры мужа, стучу три раза. Дверь мне открывает сам Рудольф.

«Как паспорт?»

«Получай!»

Я протягиваю новенький, чистенький паспорт. Он развернул его, прочитал, внимательно разглядел печать и подписи.

Галантно поклонился и сказал по-фински: «Киитос...» — что значит «спасибо».

Долго жить в Москве не пришлось. Однажды соседка, встретив сестру Тольмаца на лестнице, тихо сказала:

— Дворник выпрашивал, что за люди поселились, откуда приехали.— Помолчав, добавила: — Сегодня с утра побежал в полицию...

Рудольфу пришлось перебраться в гостиницу. Но и там за ним следили. Необходимо было скрыться. Но куда?

Как-то, вернувшись под утро от друзей, Рудольф сказал:

— Нюра, я усну. А ты почитай вот эту книжку.

Это был исторический очерк Приазовья.

«Отец истории Геродот,— читала Нюра,— писал, что район от нижнего течения Борисфена (Днепра) до нижнего течения Танаиса (Дона) вдоль побережья Меотийского озера (Азовского моря) в шестом веке до нашей эры занимали киммерийцы, которых вытеснили скифы...»

Рудольф крепко спал, отвернувшись к стене. А Нюра читала о том, как скифов сменили племена готов, потом пришли авары, потом карабулгары, потом мадьяры, печенеги, половцы...

«Зачем он дал мне эту книжку?» — недоумевала Нюра, без особого интереса читая об орде Ногая, который подчинил себе татар, кочевавших от устья Дона до Дуная, и поставлял в войско крымского хана много всадников.

На сердце у Нюры было тревожно. Сегодня утром коридорный смотрел на нее особенно подозрительно. Каждую минуту она ждала стука в дверь и возгласа:

«Полиция!» А ведь если Рудольфа арестуют, ему, как дезертиру, грозит расстрел.

«Петр Первый,— читала Нюра,— в 1696 году ограничил район кочевий приазовских ногайцев, а в 1739 году, после побед над турками, Россия получила северное побережье Азовского моря до реки Берды».

И тут Нюру осенило: Бердянск — вот город, куда решил ехать Рудольф. Еще в Петрограде у него был друг Андрей Могильный, уроженец Бердянска.

Теперь скучная книжка показалась Нюре увлекательной. Она читала о том, как русские построили семь крепостей, как после присоединения Крымского ханства к России здесь была образована Таврическая губерния, в заливе Бердянской косы появились первые землянки. Русские цари раздавали плодородные земли немцам, основавшим здесь несколько колоний. Капитан II ранга Критский у селения Берды нашел прекрасное место для порта — двадцатикилометровая коса защищает корабли от ветров, илистый грунт рейда надежно держит якоря, нет банок и мелей. Пристань открылась 1 июля 1830 года, а через шесть лет ее посетило первое иностранное судно. В 1841 году порт и город Берды были переименованы в Бердянск.

Нюра осторожно закрыла книгу и начала собирать свои пожитки, аккуратно уложила все в двух чемоданах, упаковала продукты в небольшую корзинку. Рудольф спал, а она сидела рядом, боясь шелохнуться. Но вот он пробормотал что-то во сне, повернулся на спину и потянулся.

— Нюра, зачем ты повязала этот платочек? — спросил он, поднимаясь.

— Конспирация! — засмеялась Нюра. — Взгляни — все вещи уложены. Мы можем ехать.

— Значит, ты все поняла?

— Конечно! Ты решил ехать в Бердянск, так?

— Да, нам надо ехать. Это партийное поручение. Но мы поедем не одни. Я нашел хорошего попутчика...

Решили сделать так: Рудольф пойдет на вокзал один, без вещей, а Нюра расплатится за гостиницу и приедет на извозчике.

В вагоне Рудольф не сидел без дела, он подсаживался то к одному, то к другому пассажиру и начинал разговоры о Бердянске.

Старик — бывший моряк — рассказывал:

— Мы живем портом, домишко у меня в Матросской слободке. Ничего живем...

Из его рассказа Тольмац узнал, что в городе есть еще Лиски — бывшая солдатская слободка, есть Колония — эту часть города основали немцы-колонисты.

— А заводов много?

— Есть и заводы. Хозяева все больше иностранцы: Гривевз, Шрейдер и Матиас. Эти выпускают сеялки, плуги, косилки. Венц и Янцек — канаты, Сальстрем — свечи и воск, Лицман — колбасы, Феттер — пиво, Клавдин — макаронь.

— А типография чья?

— Есть и типография. Хозяина не знаю. Хоть убей — забыл...

В соседнем вагоне в отдельном купе ехал молодой расфранченный красавчик. Тольмац был одет в лучший свой костюм, с манишкой и галстуком. Улучив момент, он заговорил с красавчиком по-немецки.

— О-о, вы иностранец? — удивился тот.

— Я из Риги, — сказал Тольмац, — еду в Бердянск по торговым делам.

— Очень рад познакомиться — я сотрудник кредитного союза Липский...

Они раскланялись. Липский пригласил Тольмаца в купе.

— Я люблю Бердянск,— говорил Липский,— уверен, вы не пожалеете, что поехали к нам. Вы слышали о заводе французско-бельгийского акционерного общества? Как же! Ведь там выпускают аэропланы.

Новый собеседник Тольмаца значительно дополнил рассказ старика матроса: в городе есть кожевенный, мыловаренный и асфальтовый заводы, паровая мельница Гербера, есть портовые механические мастерские Петербургского адмиралтейства.

— Именно туда я и еду,— как бы мимоходом заметил Тольмац.

— Значит, вы сейчас из Петрограда? Прекрасно!

— А что это за кредитный союз? — осторожно спросил Тольмац.

— Это же первый в России союз, он возник в Бердянске в 1896 году. И за эти годы снискал себе блестящую репутацию. Да и вообще финансовая жизнь у нас кипит — есть отделения всех крупных банков России, кроме того, общество взаимного кредита, городское кредитное товарищество... Так что, если у вас имеются деловые планы, вы всегда найдете верную помощь...

— Что же ты меня бросил? — спросила Нюра, когда Рудольф вернулся в свое купе. — И потом — ты обещал, что у нас будет попутчик. Где же он?

— А это я... — сказал сидящий напротив мужчина, похожий на иностранца. Русоволосый, с красивыми усиками, концы которых были закручены вверх, одетый в дорогой костюм, он был похож на немца, и Нюра из смущения стеснялась даже смотреть в его сторону.

— Разрешите представиться: Карл Иванович Динер...

Разговор у Нюры с Карлом как-то не клеился. Они смотрели в окно — мимо проплывали по-осеннему при-

бранные поля, луга со скирдами сена, наполовину оголенные березовые рощи...

— Как не похожи эти места на наши! — сказал Динер. — У нас песок, сосны и вдали слышен шум моря. Я родился на хуторе, в Курляндии, поля у нас там маленькие да и те принадлежат баронам.

— Так вы из Риги? — догадалась Нюра.

— Да. Но война подошла к самым воротам Риги. Фабрика «Унион», где я работал, эвакуировалась в Москву. Да вот беда: уволили меня с «Униона» — еду искать счастья на новом месте...

— За что же уволили?

— «Неблагонадежный», — улыбнулся Динер и, отвернувшись, тихонько застучал по окну пальцами.

«Трудно ему сейчас», — подумала Нюра и не стала больше беспокоить своего собеседника расспросами...

Поезд пришел в Бердянск вечером.

Динер, взяв в руку свой небольшой чемодан, раскланялся:

— Я останавлиюсь в гостинице. Милости прошу ко мне в гости.

Нюра заметила, как они с Рудольфом многозначительно переглянулись. Из вагона Тольмац не спешил выходить, он ждал, когда перрон опустеет.

— Ну, вот мы и на бердянской земле, — сказала Нюра, оглядываясь по сторонам. Теперь предстояло разыскать дом Могильных. Помогла молоденькая симпатичная девушка.

— Пойдемте, я провожу вас, — сказала она, простодушно улыбаясь. — Мы живем почти рядом.

Через несколько минут она выложила все о себе и о своей семье. Отец ее грузчик, работает у греков, которые содержат пшеничные амбары. Сама она белошвейка у мадам Сегал. Белошвеек несколько человек.

Они создали «Союз иглы», у них избран председатель. Они даже устроили забастовку.

— Ну и как она закончилась?

— Теперь мадам нам платить больше стала. И ножницы в девочек не кидает...

— А на войну много ушло мужчин?

— Много! — протянула девушка. — Мой старший брат на войне. — Она показала рукой вдоль улицы: — Вон видите три дома — это три семьи: Беликовы, Могильные и Тетеревы. Хорошие соседи, живут дружно.

— А хорошие здесь люди, приветливые, — сказала Нюра.

— «Союз иглы», — улыбнулся Тольмац. — А впрочем, это как раз то, что нам надо. Ты, Нюра, познакомься с этим «союзом»...

Семья Могильных приняла Рудольфа и Нюру хорошо, им отвели небольшую угловую комнатку, окна которой выходили в сад...

Рудольф на следующий же день разыскал дом рабочего Цингарели. У калитки его встретил лаем кудлатый пес.

— Заходите, он не кусается! — послышался тоненький голосок. На крыльцо выбежала девочка-подросток. В сенях Рудольф столкнулся с девушкой, а в доме из-за перегородки, отделявшей кухню, мелькнуло еще одно девичье лицо.

— Постоялец дома, вот его комната, — сказала девочка.

Тольмац шагнул к двери, но навстречу вышел коренастый человек в темной косоворотке, волосы закинута назад, во взгляде настороженность.

— Александр Михайлович Егоров?

— Он самый.

— А я Хартикайнен.

Глаза сразу подобрели, и, пощипывая маленькие,

аккуратно подстриженные усики, хозяин провел Тольмаца в свою комнату.

Егоров, уроженец Ярославской губернии, еще мальчишкой приехал в Петербург, на Путиловском заводе стал большевиком и в конце 1915 года был направлен ЦК в Бердянск. Он поступил слесарем на завод Горохова. Сначала довольно регулярно слал письма, но вдруг замолчал, потом сам нагрянул в Питер с перевязанной рукой — приехал просить литературы, жаловался на засилие меньшевиков и эсеров.

Приезду Тольмаца он обрадовался несказанно.

— Понимаешь,— быстро говорил он,— тут у нас дела не очень. Мне удалось провести забастовку, кое-какие наши требования были удовлетворены. Но самого меня начали травить. Мастера тут лютые, имеют свои дома, сады, лодки, рыбу промышляют в свободное время и живут припеваючи. Вот почему наша агитация часто натывается на глухую стену. А меньшевики ликовуют.

— А что же вы не идете к беднякам? Видел я, как на Гаврильвке простой народ в землянках ютится.

— Это как раз наша опора. Создал я два кружка, занятия проводить мне помогают Итта Шпитальная и Нина Клейн...

— Расскажи о них поподробнее,— попросил Рудольф.

— Учительница Шпитальная — дочь торговца рыбой. Но с отцом порвала, вышла замуж за бедняка. Образованная, гимназию с золотой медалью окончила, рассказы в журналах печатает.

— Хорошие?

— А кто их знает. Не читал...

Александр прошел к окну и смущенно потер ладонью щеку.

— Но тут есть две закавыки. Понимаешь, семья

у нее — семь детей. Правда, старшие подросли, помогают. А еще... она, видишь ли ты, меньшевичка.

Тольмац невесело рассмеялся:

— Начал во здравие, а кончил за упокой...

— Да нет, не верю я в ее меньшевизм! — горячо воскликнул Александр. — Она наша. Знал бы ты, как хорошо она занятия проводит! Она и мне помогла в самообразовании.

— Ну а Клейн?

— Эта совсем еще молодая. Отец — немец, скупает шерсть, вывозит за границу, а оттуда везет пишущие машинки. Богач, одним словом. Нину держит под замком, хочет выгодно отдать замуж...

— Ну а она что?

— К нам тайком от семьи бегают...

В комнату заглянула девушка. Александр громко позвал:

— Лена, входи! — Но девушка быстро закрыла дверь.

— Так вот... о чем это я? Ох да! — Александр возбужденно начал ходить по комнате. — Городок маленький, а партий у нас — целый букет. Большевики, эсеры, бундовцы. Еврейская социалистическая... или как ее там... Поалей Цион — и не выговоришь сразу. Есть еще объединенная польская и народно-социалистическая. И все тянут в свою сторону.

— А собираются где?

— Где придется. Есть у нас библиотека, городской театр, клубы — Дворянский, Коммерческий, Приказчицкий. Эсеры там ходят как свои. А мы на глаза не лезем. Все больше по частным квартирам собираемся. В Народный дом и в тот не ходим — там меньшевики.

— А вот это напрасно. Надо бывать всюду и всюду вести свою пропаганду. Как тут у вас жандармы, свирепые?

— Как везде. Но жандармский ротмистр — жадюга и взяточник, это я точно знаю.

Тольмац рассказал, что привез из Москвы рижского товарища Карла Ивановича Динера, члена партии с 1907 года, отличного слесаря-инструментальщика.

— Ну, слава тебе! — воскликнул Александр. — В нашем полку прибыло. А литературу привезли?

— Я привез немного. А у Динера скоро жена придет, багаж привезет. Так вот, в диване и в мягких креслах кое-что запрятали... Ты где думаешь нас устроить на работу?

— Динера можно вместе со мной, на заводе Горохова. А тебе советую идти на Азово-Черноморский завод. Там, понимаешь, у нас совсем плохо...

— А что такое?

— Меншевики засели крепко.

— И кто руководит ими?

— Киселенко.

Тольмац быстро подался вперед.

— Питерский?

— Да, такой говорун — прямо Златоуст. И к нему не подкопаешься — сам рабочий первостатейный, самые сложные заказы выполняет. Мастера его по имени-отчеству величают...

«Так, так, — подумал Тольмац, — так вот где мы с тобой встретились, Наум Анисимович!.. Что ж, придется скрестить шпаги...»

Тольмац познакомился с Киселенко на заводе «Айваз».

Однажды, работая за станком, Рудольф почувствовал, что сзади кто-то стоит.

— Послушай, не обижайся, — сказал тот, что стоял за спиной, — но тут ты не так делаешь. Вот гляди.

Он быстро и толково показал прием в работе, подал простое с виду, но довольно хитрое приспособление.

— Сам. И дарю тебе. А зовут меня Наум Киселенко.

Позже Рудольф видел, что Киселенко разговаривал с Калининым. По тому, как они весело смеялись, похлопывая друг друга по плечу, можно было догадаться, что они довольно близко знакомы.

Однажды Киселенко зазвал Рудольфа к себе домой. Комнатка у него была маленькая, но чистенькая, хорошо прибранная. На столе лежала записка: «Наумчик, я все прибрала, пожалуйста, не сори. Агнесса». Киселенко прочитал записку и бережно спрятал в карман. Рудольфу не терпелось узнать, о чем поведет речь Киселенко. И Наум заговорил о пятом годе, о том, что еще тогда можно было добиться свободы, если бы не вооруженное восстание.

— Сколько мы товарищей потеряли, а главное, крестьянство от нас отшатнулось...

— Во-он что,— протянул Тольмац, настороженно поднимая голову.— Так ты меньшевик?

Киселенко взорвался:

— Что значит «меньшевик», «большевик»? Георгий Валентинович уже давно заклеил эти клички. Подумаешь, «большевики»! А сами всегда остаетесь в меньшинстве. Разве не так?

Голубые глаза Киселенко стали почти белыми, ноздри раздулись, сейчас весь он был похож на потревоженного ежа.

Рудольф встал:

— Знаешь, мне некогда спорить на такие темы. Прощай!

С тех пор Рудольф перестал замечать Киселенко, а вскоре перешел на другой завод.

Анна Агеевна рассказывала:

— В Бердянске Киселенки жили недалеко от нас. Я вскоре подружилась с Агнессой Матвеевной — его женой. Детей у них не было. И как ни приду к ним — у них спор. Киселенко ругает большевиков, Ленина, то и дело хватается за книгу Плеханова (их у него много было), чтоб прочитав цитату. А Агнесса стоит за большевиков. Я очень удивлялась: как они уживаются вместе, имея такие разные политические взгляды? «Он слабовольный,— говорила Агнесса,— и в то же время упрямый: если что вобьет себе в голову — не выбьешь. Я уже раз уходила от него. А он чуть на колени не становился и даже плакал».

Киселенко всегда одевался по-барски, сорочки себе заказывал у мадам Сегал. Говорили, что и на заводе за своим станком он стоял в белой сорочке с бабочкой. Был он низенького роста, но говорил звонко, и из всех ораторов мне нравился больше всех. Я ведь тогда совсем молоденькая была, многого не понимала, и его плавная речь с неожиданными эмоциональными взрывами покоряла не меня одну. Только позднее я узнала настоящую цену его красивым словам...

Первые шаги

Тольмаца приняли на Азово-Черноморский завод в инструментальную мастерскую. В первый же день он увидел Киселенко — тот шел к своему станку неторопливо, подойдя, снял и аккуратно повесил хорошо отглаженный пиджак, засучил рукава белой сорочки, на голову надел синий берет.

— Здравствуйте, Наум Анисимович...

Кисленко не спеша обернулся, прищурился и выключил станок.

— Приветствую, любезный...

Они смотрели друг на друга настороженно, и Рудольф видел, что Кисленко узнал его.

— Новенький? — Кисленко быстро посмотрел вправо, потом влево — рядом никого не было. — Как вас теперь величать?

— Август Хартикайнен.

— Значит, финн?.. Что ж, и я сюда не по доброй воле приехал...

— Скрываетесь под своей фамилией?

Этот вопрос, брошенный Тольмацем с усмешкой, сразу определил их дальнейшие отношения.

— Вот что, Август, — Кисленко слегка прищурился, и Рудольф увидел, как еще больше выцвели его голубые глаза. — Думаю, что объяснять вам политическую обстановку не нужно. Вы, большевики, оказались у разбитого корыта, в роли той старухи, что требовала невозможного. А мы возглавили массы.

— И возьмете власть?

— Да не во власти дело! Дело в том, чтобы дать народу счастье и свободу. Вот к чему мы стремимся!

Тольмац усмехнулся:

— Да, ораторствовать ты, Наум, наловчился!

— А вы не тыкайте, уважаемый! Я с вами гусей не пас!

Тольмац повернулся и пошел к своему станку.

Поздно вечером, к удивлению Рудольфа, Кисленко с женой пришли в гости. Нюра угощала их, чем могла. Кисленко был оживлен, вспоминал Петербург, «Ай-ваз», первое их знакомство.

— Ты меня прости, Рудольф, — сказал он, когда женщины увлеклись своим разговором, — в цехе я на-

грубил тебе. Ляпнул про гусей и вообще... Я знаю — ты приехал сюда не на прогулку. Но предупреждаю: ваша группа малочисленна, она не имеет влияния, и мне искренне жаль, что ты не с нами. Подумай, какие дела нас ждут впереди!

Тольмац не ошибся: он так и думал, что Киселенко рано или поздно начнет заигрывать, и теперь важно было принять эту игру.

— Ну что ты, Наум! — он хлопнул Киселенко по плечу. — Мы с тобой питерцы, делить нам нечего. Вижу, что ты тут вошел в доверие, настоящий трибун...

— Да, рабочие верят мне и любят меня. У меня руки в мозолях. Да и за станком я первенства никому не уступлю.

— И ты надеешься, что, когда дело дойдет до выборов...

— Надеюсь! — подхватил Киселенко. Он выпил два бокала вина и немножко захмелел. — Я знаю, чего хочет рабочий. Я сам от станка. И уж для рабочих сделаю все!

Он заговорил о том, что царская монархия вконец прогнила, партии кадетов, трудовиков, «народных социалистов» окрепли и скоро власть перейдет не к какой-то там пресловутой думе, а к парламенту и тогда...

— Тогда мой Наумчик займет кресло рабочего министра! — засмеялась Агнесса.

Киселенко посмотрел на нее с тоской:

— Ах, милая, как ты умеешь испортить мне настроение... За что?

...Теперь Тольмац внимательно присматривался к Киселенко на заводе. Ему было горько слышать, как отовсюду несло: «Наум Анисимович! Наум Анисимович!» К нему подходили и старые и молодые, подсаживались, расспрашивали, просили совета. И, надо отдать должное, Киселенко умел разговаривать с ра-

бочими, многие верили в его демагогические речи, многие с нескрываемым любопытством присматривались к нему — шутка ли, простой мастеровой, а все знает, не хуже любого интеллигента!

Рудольф больше стал беседовать с теми, кто особенно доверял Кисленко. Кое-кого ему удалось отколоть от него, но таких были единицы. Как-то Тольмац и Кисленко схватились на заседании завкома. И стояло Рудольфу произнести имя Ленина, председательствующий, меньшевик, лишил его слова. Пришлось уйти под свист и улюлюканье отдельных лиц. Кисленко при этом издевательски помахал рукой.

На заводе Горохова дела шли гораздо лучше. Егоров и Динер удивительно дополняли друг друга: организаторские способности одного помогали лекторским навыкам другого. Особенно с большим вниманием слушали рабочие рассказы о войне — ведь Динер был очевидцем многих событий, связанных с фронтом.

Группа часто собиралась то у Егорова, то у Шпитальной, то в сторожке Могильных на садовом участке, в трех километрах от города.

Как-то после заседания Рудольф разговорился со Шпитальной. Она уроженка Бердянска, и Тольмац надеялся услышать от нее рассказ о революционном прошлом города.

— Ну, с чего же начать? — Итта Самойловна потерла маленьким кулачком около виска. — Знаете, на заводе Гриевза одно время работал Петр Шмидт. И детство провел у нас, в городе.

— Это любопытно. И долго работал?

— Нет, совсем немного. Но вот что интересно: Антон Михайлович Мазин, активный участник восстания на «Очакове», на этом заводе был литейщиком. Не правда ли, как иногда неожиданно скрещиваются человеческие дороги?

Тольмац утвердительно покачал головой.

— Да-а, интересно. А Мазин тоже расстрелян?

— Нет, ему дали пятнадцать лет каторги.

— А еще кто-либо из бердянцев был на «Очакове»?

— Афанасий Винокуренко — минный электрик.

Ему, говорят, удалось бежать в Румынию. У нас есть и потемкинцы — Подзолкин, Павленко, Пархоменко. Но где они — кто знает? В 1911 году к нам прислали много ссыльных революционеров. Один из них — Покрасов организовал на заводе кружок корреспондентов «Правды». А когда летом четырнадцатого года мастер избил подростка Григория Калину, Волков, Воронков и Покрасов организовали забастовку. Она длилась десять дней!

— Вот ведь умели товарищи работать! — воскликнул Тольмац. — А депутаты Думы здесь были?

— Как же, у нас был депутатом рабочих Фомичев. Когда в 1907 году Думу распустили, в знак протеста, рабочие устроили стачку. Но она закончилась страшно: сотня карателей оружием и нагайками разогнала толпу...

Тольмац нахмурился.

— Я рада, что вы заговорили об этом, — сказала Итта Самойловна. — Знаете, я мечтаю, когда придет свобода, настоящая свобода, написать книжку о борцах за народное счастье. Я описала бы гимназию 1879 года. Я училась в ней и гимназические порядки хорошо знаю... Первый революционный кружок. Им руководил Геккер. Революционер Гоббс работал в целях конспирации сапожником. Снабжал кружок литературой и был казнен в Киеве. Поликарпов, по кличке «Костя», хотел убить провокатора, но сам погиб; революционер Бердический казнен в Харькове...

— А первые социал-демократы?

— Первую организацию РСДРП у нас возглавил

бухгалтер экспортной конторы «Дрейфус и К^о» по фамилии Кабо.

— А из рабочих?

— Из рабочих? Литейщик Кононенко. А житель нашего города Энгель после окончания гимназии побывал в Швейцарии, Германии, Франции, изучал там рабочее движение. Он тоже стал одним из организаторов группы. Члены организации распространяли первые в городе листовки, газету «Искру», собирали сходки. Члены группы были связаны с Керчью, Мариуполем, Ростовом и даже с Батумом и Баку. А литературу им доставлял из Одессы студент Рыбальский.

— Черт побери! — Тольмац встал с места и выпрямился. — Почему же мы сидим без движения, почему не связываемся с большевиками других городов, не знаем, что делается в селах, не имеем своей боевой группы?!

— А вы полагаете, что она нужна?

— Конечно! Оружие у нас есть... — Рудольф замолчал, потом повернулся к своей собеседнице: — А книгу, Итта Самойловна, я верю, придет время, вы напишете...

В эти дни Нина Клейн, побывавшая в семье очаковца Афанасия Винокуренко, принесла его письма и снимки, посланные из Румынии. Он писал, что они, матросы-эмигранты, образовали свою организацию и ждут момента, чтоб вернуться домой. На обороте одной из фотографий Винокуренко написал:

Близится время золотое...
Живей, скорей для нас открой
Путь свободный
Для нашей Родины святой.

Тольмац любовно разглядывал фотографию — молодой, полный силы и здоровья матрос в черной ши-

нели с двумя рядами пуговиц, взгляд внимательный, открытый.

— Да-а,— протянул Рудольф,— вот таких хлопчиков нам бы побольше!

Нина рассказала, что Афанасий чудом уцелел в той кровавой бойне, которую устроил вице-адмирал Чухнин крейсеру «Очаков» и другим кораблям Черноморского флота, участвовавшим в восстании 1905 года, два года нелегально жил в Одессе, вступил в РСДРП, а в августе 1908 года побывал в Бердянске.

— Он жил,— рассказывала Нина,— в квартире у Поднебесного, но его выследили, чуть не схватили, и он бежал в Румынию.

— Как думаешь, Нина, вернутся эти орлы домой?

— Я очень хотела бы, чтобы поскорее вернулись,— застенчиво улыбнулась Нина.

Да, Тольмацу в это время не хватало настоящих боевых кадров, чтобы дать настоящий бой Киселенко и всей его говорливой компании...

Нюра целыми днями не видела мужа. Приходил он поздно ночью, рано утром — снова на завод.

Как-то вечером неожиданно зашел «на огонек» Киселенко.

— Вашего нет дома? Так я и знал... А он мне очень нужен.

— Вы скажите, я передам.

Киселенко посмотрел на нее внимательно и взял за руку:

— Вы только не волнуйтесь, пожалуйста, не волнуйтесь... Мы узнали, что Рудольфу грозит арест. Его раскрыли. И фамилия Хартикайнен теперь ничего не значит.

Это было за два дня до нового, 1917 года.

Нюра тут же побежала к заводу, чтобы предупредить Рудольфа.

— А он с дружками ушел,— сказал сторож у ворот,— с час, как ушел...

— Куда?

— Да кто знает... Может, в винополку.

Нюра побывала у Шпитальной, но та Рудольфа не видела. И только Динер, которого она встретила по дороге и все ему рассказала, успокоил ее:

— Идите домой. Если придут жандармы, скажите, что муж давно уже бросил вас, а где живет — вы не знаете. Даже слышали, что он вообще уехал.— Прощаясь, Динер пожал плечами: — Киселенко и вдруг — предупредил! Странно...

Жандармы пришли ночью, перерыли весь дом, осмотрели сарай, баню, слазили в подполье. Говорить о том, что Рудольф ее бросил, Нюра не стала — язык не повернулся. Просто она заявила, что муж два дня назад уехал в Москву.

— Но его сегодня видели на заводе,— ехидно ухмыльнулся жандармский ротмистр.— И потом — как его настоящая фамилия? Уж не Тольмац ли?

— Никакого Тольмаца я не знаю. А если вы его видели на заводе, почему не арестовали?

— Ничего,— дернул головой ротмистр,— мы его и в другом месте арестуем...

А Тольмац уже был далеко от города. Николай Петрович Киорпе, рабочий завода Гривеза, вез его на телеге с сеном в село Андровка в свою семью.

— Слушай, дружок,— говорил он Тольмацу, лежащему на сене.— Ты глянь, какая у нас земля жирная. Оглоблю посади — тарантас вырастет. И вся-то она не наша.

— Ничего, возьмем землю,— отозвался Тольмац,— и заводы, все возьмем.

— И как же тогда — сами будем командовать? — Киорпе слегка приподнял свои могучие плечи.— Прямо

скажу, плохо я это себе кумекаю. В голову как-то не входит, как говорится, рабская привычка давит.— Он повернулся всем массивным корпусом к собеседнику.— Родом я из села Полоузовка. Знаешь, как я люблю поле, сады, бахчи! Страсть как люблю! А тут отец помер, пошел я к немцам-колонистам в молотобойцы, потом на завод в Ростов перебрался... Гляжу — везде мне худо. Видишь, какой я уродился — здоровущий. Мне всегда трудную работу дают — он, мол, выдюжит.

— А с нашими-то ты когда связался?

— Да там же, в Ростове... На сходки ходил, на одном митинге даже с речью выступал. Что, не веришь?

— Да почему же не верю?!

Киорпе, недоверчиво глянув, улыбнулся. Поправив остро торчащие в стороны усики, добавил:

— Вот после того митинга и пришлось бежать в Бердянск. Засекли меня «фараоны». Они, говорят, и кличку мне дали — «Болгарин». А я что, я не отпираюсь — действительно я из болгар.

— Почему ты семью в Бердянск не перевозишь, а держишь в селе?

— Ну, почему,— смутился Киорпе,— во-первых, к земле поближе, а потом... в городе — где они жить будут? Где? Вот и хожу тридцать пять верст каждую неделю.

— Почему ты не в партии?

Киорпе заговорил с жаром:

— А тебе что надо — слова или дела? Делами я и так с вами, по душе иду. Раз вы мне правду говорите — за вами и иду. А говорили бы ерунду всякую, я бы вас и на дух не подпустил. Вот такая моя линия. Правильно говорю?

— В общем-то правильно,— не сразу отозвался Тольмац.

Киорпе, покачиваясь в такт конским шагам, затянул чумацкую песню.

Тольмац, слушая тягучий напев, думал о том, что Новый год придется встречать невесть где, вдалеке от Нюры...

Хартикайнен снова становится Тольмацем

Известие о Февральской революции стало Тольмаца в одном из сел уезда. За последние недели он объехал немало сел, проводя беседы с крестьянами. Ночью Рудольф приехал в Бердянск. Нюра накормила его, вскипятила воды, он вымылся до пояса, надел лучший костюм.

— Ну, Нюра, настала пора действовать. Останешься дома или пойдешь со мной?

— И ты еще спрашиваешь? Конечно, с тобой. А куда пойдем?

— Поднимать рабочих и арестовывать жандармского ротмистра...

Об этих днях в «Истории Московского инструментального завода» (ОГИЗ, 1934) сказано так:

«После Февральской революции Тольмац принимает участие в аресте местной жандармерии. Арестованный им жандармский ротмистр, любезно расшаркиваясь, жаловался на превратности судьбы: только вчера он получил от таврического губернатора предписание об аресте Тольмаца, Волкова и других большевиков, а вот сегодня, извольте видеть, все происходит наоборот».

Из архива Тольмаца мне попали в руки несколько изданий 1917 года с ленинскими документами: два но-

мера газеты «Правда» — № 15 от 22 марта (4 апреля) 1917 года, в котором было опубликовано окончание 1-го письма «Первый этап первой революции» «Писем из далека», и № 26 от 7 (20) апреля со статьей «О задачах пролетариата в данной революции», то есть знаменитые Апрельские тезисы, а также брошюра «К лозунгам», изданная Кронштадтским комитетом РСДРП(б), и «Письма» о тактике» издания «Прибой».

Эти документы содержат марксистскую оценку совершившейся в России буржуазно-демократической революции, раскрывают ее своеобразие, характеризуют борьбу классов и партий, освещают историческую роль партии большевиков, показывают, как под гениальным водительством Ленина партия взяла курс на переход к социалистической революции.

Сколько раз перечитывал Тольмац эти программные документы большевистской партии! Они служили ему руководством к действию.

В архиве Тольмаца лежат также несколько номеров иллюстрированного художественно-литературного журнала «Искры» за первую половину 1917 года. Почему сохранилось это приложение к буржуазной газете «Русское слово» у большевика?

Объяснение, я думаю, простое. Не раз листал Тольмац журнал и дивился контрасту между действительностью и словесами буржуазных «демократов». Как наглядное свидетельство лжи и лицемерия буржуазного мира, остались пожелтевшие листки до наших дней.

5 февраля 1917 года. Журнал открывается рисунком — «Бальный сезон 1917 г.». В великолепной зале — танцы. Две милые девушки подходят к кавалеру — совсем еще юному подпоручику, но он показывает на свои костыли. Подпись: «Бывший кавалер».

Как видим, начало года дано минорно.

И в Бердянске местные богачи собирались на танцы в Коммерческом клубе, а в Морском шли разгульные попойки морских офицеров. В театре «Модерн» крутили картины «Мир мрака и цепей» и «Король шестой державы». Сверх программы, как указывали афиши, выступал «украинский театр веселых миниатюр под руководством Б. Фразенко». На улицах часто можно было увидеть солдат и офицеров, только что вернувшихся из госпиталей.

Не было видно конца изнурительной войне. Вот снимки: русские войска в горах Румынской Трансильвании. Страница «Наши герои». Среди них прапорщик П. Леонов. В тексте сказано: «Первый герой настоящей войны, награжден пятью Георгиевскими крестами, в том числе двумя крестами 1-й степени и орденом св. Анны». Немало таких героев, увешанных крестами, но уже не годных к строю, было и в Бердянске.

На развороте снимки русских позиций под снегом — полевой караул, застава, наблюдатель... В тексте лирические нотки: «Весело побелело под густым слоем чистаго, блестящаго свежаго снега...» О крови, которую проливают солдаты, об окопных вшах, о жестоком морозе — ни звука.

Последняя страница этого номера журнала озаглавлена «Богатство России». На двух снимках множество крестьянских повозок, сбившихся в кучу, крестьянские тулупы, шапки-ушанки и дуги над головами лошадей. Что же это за богатство? Газета вещает, что это «огромный съезд крестьян... с доставленной ими пшеницей. ...Зерно было назначено по разверстке для сдачи его на мельницу торгового дома Первушиной и К^о... В день принималось пшеницы до 40 000 пудов. Съезд сдатчиков крестьян был так велик, что для сдачи зерна приходилось ожидать 2—3 суток очереди».

Какую идиллическую картинку нарисовал журнал! И это в то время, когда война усиливала разруху, почти половина всех паровозов ждала ремонта, не хватало угля, металла, росла дороговизна на продукты.

У причалов Бердянского порта корабли, пришедшие за русской пшеницей, стояли с потушенными топками, огромные амбары перекупщиков зерна были пусты, а на небольших железнодорожных станциях появились сначала группки, потом группы, а потом и целые толпы мешочников, едущих в промышленные города за «большой деньгой».

Но вот, наконец, и освещение событий революции.

Как встретили ее Тольмац и его друзья — известно. А вот буржуазная газетка оценивала Февральскую революцию скромно — «русский переворот».

Даны рисунки: «Преследование полицейских» — в грузовике едут люди с флагами, «Обстрел здания полиции», «Разгром гостиницы «Астория», «Уличный бой 27 февраля», «Снятие двуглавого орла». Особенно примечателен рисунок «Отречение Николая II» — царь изображен чуть ли не ангелочком, в кавказском костюме, он выглядит милым и ласковым, листок с отречением подает твердой рукой...

Вот что рассказывает Анна Агеевна:

— Когда мы узнали, что Февральская революция победила, что царь отрекся от престола, я была так рада, что даже расплакалась. Свершилось то, о чем мечтали лучшие люди. Мне казалось, что теперь и все наше горе позади — не надо скрываться, не надо менять паспорта и фамилии, конец вечному страху, теперь Рудольфа не арестуют, не расстреляют, не сошлют на каторгу.

Народ высыпал на улицы. Почти непрерывно шли

митинги, один оратор сменял другого. Даже купчики и разные баре понацепили на лацканы пиджаков алые банты, лобызались с простым народом, а потом утирались платочками и незаметно бросали их... Но мы первое время как-то не замечали этого. В марте начались выборы в Совет, первым депутатом от рабочих стал Саша Егоров. С девушками и женщинами из швейной мастерской мы принялись вышивать красное знамя, ходили по улицам и пели революционные песни. Рудольфа теперь я видела еще реже. 3 марта был создан Совет рабочих депутатов; Рудольфа избрали депутатом Совета, и он там проводил дни и ночи. Однажды пришел вконец измученный и сразу завалился спать. «Нюра,— говорит сонным голосом,— главная борьба еще впереди, в Совете меньшевики, но мы...» И не договорил — уснул.

А потом оказалось, что Рудольф прав...

Приезд Антона

В «Письмах из далека» В. И. Ленин писал:
«Не будем делать себе иллюзий...

Если революция победила так скоро и так — по внешности, на первый поверхностный взгляд — радикально, то лишь потому, что в силу чрезвычайно оригинальной исторической ситуации *слились* вместе, и замечательно «дружно» слились, *совершенно различные потоки, совершенно разнородные* классовые интересы, *совершенно противоположные* политические и социальные стремления. Именно: заговор англо-французских империалистов, толкавших Милюкова и Гучкова с К⁰ к захвату власти *в интересах продолжения импе-*

риалистической войны... Это с одной стороны. А с другой стороны, глубокое пролетарское и массовое народное (все беднейшее население городов и деревень) движение революционного характера за *хлеб, за мир, за настоящую свободу*.

Именно за эти лозунги и боролся Тольмац вместе со своими товарищами против эсеров и меньшевиков, вот почему и происходили бесконечные митинги на заводах, в нардоме, в помещении офицерского клуба.

К этому времени и в Бердянске произошло одно знаменательное событие — сюда после одиннадцатилетнего заточения в Шлиссельбургской крепости приехал Антон Михайлович Мазин.

Антон Мазин родился в Бердянске в семье рабочего, с юных лет работал литейщиком. В конце 1903 года вступил в РСДРП. Первое партийное поручение — доставить полученную из Одессы литературу в города Мариуполь, Ростов, Батум — выполнил успешно. Затем в 1904 году последовало новое задание — организовать в Бердянске маевку рабочих. Маевка состоялась, но жандармы уже следили за Антоном. Летом его арестовали и заключили в тюрьму...

Оказавшись на свободе в дни первой революции, Мазин работает в Севастопольском порту, принимает активное участие в восстании на «Очакове». В судебном списке мятежников (арестовано было около шести тысяч человек) его имя стоит четвертым. В обвинительном заключении сказано, что Мазин «носил из порта винтовки и патроны и раздавал их, кричал: «Товарищи, вооружайтесь!» Материалы следствия гласят: «Заклученный в тюрьму, он, Мазин, требовал от других арестованных за участие в восстании, чтобы они молчали...» Наконец, после годичного следствия, приговор — пятнадцать лет каторги, сначала Смоленский централ, потом Шлиссельбургская крепость...

И вот теперь этот человек с коротко остриженной головой, но с усами и с пышной неподстриженной бородой сидел рядом с Тольмацем.

— Самая большая наша беда в том, что мы организационно еще слабы. И входим в одну группу с меньшевиками, — рассказывал Тольмац.

— Так... Ну а они — сильные?

— В том-то и дело, что сильны. Их «вождь» Киселенко на всех собраниях занимает председательское место. А в такой обстановке, сами понимаете, держать твердо свою линию трудно.

— Да-а, картина не из приятных. Но ничего. Мы и не такое видавали. Справимся.

Они проговорили всю ночь, а утром Мазин уже был на одном, потом на другом, потом на третьем заводе. Всюду сами собой возникали митинги.

Киселенко не на шутку обеспокоился: Мазин сразу пошел в гору. 5 апреля он выступил в помещении Совета, где дал настоящий бой меньшевикам. 9 апреля его слушал переполненный зал — более четырехсот человек. Вскоре его выбрали в члены партийного комитета, рабочие избрали своим депутатом, а депутаты — в исполком Совета.

В двадцатых числах апреля в Бердянск поступили газеты, в которых была опубликована нота Миллюкова. Министр иностранных дел Временного правительства заверял Англию и Францию, что будут соблюдены все тайные царские договоры и война продолжится.

Возмущенный народ — рабочие и солдаты Петрограда — 20—21 апреля вышли на демонстрацию. Бурные демонстрации прошли и в Бердянске.

К своему удивлению, Тольмац увидел, что Киселенко резко сменил тактику: теперь он вместе со всеми поносил Гучкова и Миллюкова.

— Что-то ты, Наум, заметно полевел? — спросил Рудольф, задержав в дверях куда-то спешащего Кисленко. — Да и выглядишь огурчиком.

Кисленко засмеялся:

— Унывать некогда да и незачем. Скоро, брат, ты такое услышишь, такое... — он потряс поднятым вверх кулаком.

Отчего же так ликовал Кисленко?

Вновь обратимся к журнальчику «Искры».

В № 18 он поместил портреты новых министров. «Кризис власти разрешился образованием коалиционного министерства, в которое наряду с большинством членов прежнего Временного правительства вошли представители социалистических партий». Кто же? Это меньшевик Церетели, меньшевик Скобелев, эсер Чернов, «народный социалист» Пешехонов, трудовик Перверзев, кадет Шаховской.

Журнал тут же дает два трогательных снимка — «Прощание Гучкова» и «Объяснение Милюкова». Оказывается, отставной военный министр 1 мая «прощался с солдатами... в Таврическом дворце». Он хвастался, что «вообще ничего не боится», жаловался, что «не мог выполнять свои задачи, как хотел», и призывал сохранять армию, «ибо тогда погибнет сама Россия».

Кисленко не скрывал своего восторга. Явившись в Совет, он лез ко всем с поздравлениями.

— Теперь, товарищи, настала новая эра в революции, — кричал он. — Наш товарищ Церетели стал министром почт и телеграфа. Это настоящий революционер, сын известного грузинского писателя, был на ка-
торге. Министр труда, товарищ Скобелев, входил в состав Исполнительного комитета Петроградского Совета. Он испытанный боец, кандидат инженерных наук. А министром земледелия стал Чернов. Хотя он и эсер, но это образованнейший марксист, автор ряда

научных работ. Это он написал брошюру «К вопросу о выкупе земли»!

— Постой, постой! — перебивал его Тольмац. — Ты и в самом деле считаешь, что в правительство вошли представители народа?

— Да это и младенцу ясно! — горячился Киселенко.

— Младенцев ты оставь в покое, Наум. Им бы молока, сахару да хлеба побольше... А тебе так скажу — помнишь, ты как-то говорил: «При чем тут власть?» А теперь твои меньшевики все-таки дорвались до власти.

— Ты грубо понимаешь это слово — «власть».

— Ну а к Керенскому как ты относишься?

— А-а, да что с тобой говорить! — Киселенко смешно взмахивал руками и убежал по своим делам.

Владимир Ильич Ленин, работающий в эти дни с поистине нечеловеческой энергией, в статье «Исчезло ли двоевластие?» заявлял: «Двоевластие остается. Правительство капиталистов остается правительством капиталистов, несмотря на придаточек к нему в виде меньшинства народников и меньшевиков. Советы остаются организацией большинства. Народнические и меньшевистские вожди беспомощно мечутся, желая усесться между двух стульев».

«Наш путь не усеян розами»

В Одессе в мае был созван Румчерод — съезд Совета депутатов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесского военного округа. Делегатом от Бердянска поехал Мазин.

Провожая Антона, Тольмац хмурился:

— Не хочется мне отпускать тебя, Антон.

— Ну а как же иначе! Бердянск в тылу, а там фронт рядом, мне надо побывать у солдат, у моряков. Да и нельзя отдавать Румчерод меньшевикам. Это же огромная сила.

— Ну а связь-то держать будешь?

— А как же! Для того и еду. Оружия вам подброшу, литературы... Разве ради этого не стоит ехать?

Меньшевики во главе с Киселенко надеялись, что с отъездом Мазина у большевиков силы поубавятся. Но они просчитались. Приехал из ссылки уроженец Бердянска Даниил Воронков, раньше он был эсером, но в ссылке познакомился с Валерьяном Владимировичем Куйбышевым и стал большевиком. Приехал из госпиталей к родным Коля Рогов — он окончил в Бердянской гимназии, учился в Киеве в политехническом институте, но попал на фронт и вот, в офицерской шинели, на костылях, больной и исхудалый, вернулся домой.

Их хорошо знала Итта Шпитальная и сразу же привлекла к партийной работе. В эти дни у нее состоялся важный разговор с Тольмацем.

— Вы знаете,— сказала Итта Самойловна и по привычке от смущения слегка повела левым плечом,— вчера я разругалась с Киселенко.

— Окончательно?

— Да! Признаюсь, о Ленине я знала лишь понаслышке, а Плеханова и Мартова читала много. Поэтому и была меньшевичкой. Теперь же я порываю с Киселенко. Я не могу видеть этого человека.

— И только?

— Нет, тут глубже... Все его фразы, вся его изворотливость мне не по душе.

— Ну что ж, я могу, Итта Самойловна, только поздравить вас...

Как-то, сидя в одной из комнат здания Совета (а помещался он в доме Езрубильского по Гоголевской улице), Тольмац заметил в окно, что в сквере прогуливается девушка в темном закрытом платье и в шляпе с пером. Она несколько раз вынула из ридикуля платочек и поднесла его к лицу.

Рудольф быстро сбежал вниз, миновал небольшой вестибюль и не спеша пошел по левой стороне улицы к морю. У стены длинного лабаза он оглянулся — девушка шла следом — и зашел за угол.

— Здравствуйте, Рудольф Янович, — сказала девушка, протягивая руку в черной перчатке. — Наконец я вас вызвала.

— У вас, Нина, опять заплаканы глаза.

Нина Клейн смутилась и покраснела:

— А вот этого говорить не надо было... Я к вам по делу. В город приехали супруги Горбенко и Матвей Козлов.

— Кто они?

— Эсеры...

— У нас и так их много.

— Да нет, это нужные нам люди, в чем-то они заблуждаются, но это настоящие революционеры, интересные люди.

И она рассказала, что Александр Горбенко учился здесь в гимназии, а потом переехал с отцом в Лодзь. Здесь он встретил свою будущую жену — Зою Белопольскую, дочь полковника.

— Зоя порвала с семьей отца. Она и Александр учились в Москве, увлекались естествознанием. Сам Тимирязев подарил им свою книгу «Жизнь растений».

— А Козлов?

— Козлов тоже интересный человек. Он был меха-

ником на подводной лодке «Дракон»... Однажды, когда они испытывали новый двигатель, скопились бензиновые пары, и произошел взрыв. Три матроса погибли, а пятнадцать были тяжело ранены, и среди них Козлов.

— Что же, он приехал лечиться?

— Нет, он выздоровел. Приехал сюда по заданию и работает на заводе «Матиас»...

Тольмац молчал, покусывая верхнюю губу.

— Люди нам нужны, ах как они нам нужны! Но... эсеры! — В его голосе прозвучала даже нотка отчаяния. — Тольмац поближе придвинулся к ней и заглянул в глаза. — А теперь поговорим о вас, Нина. Когда кончится эта «конспирация», когда вас выпустят из домашней тюрьмы?

Она сделала усилие и выпрямила голову.

— Отец по утрам выходит к цветнику. Любуется тюльпанами, пионами, флоксами. Тут он простой и добрый. Но когда потом, закрывшись в своем кабинете, глухо щелкает костяшками — это совсем другой человек, злой и жадный. Все аккуратно расписано по графам, подсчитана каждая копейка. И тут уж никому нет пощады... «Это мое, мое!»

Девушка поднесла к глазам платочек, плечи ее тихонько вздрагивали.

— Я не могу больше так жить. Если отец узнает, что я дружу с вами... я не знаю, что будет.

— А что, если вам уйти из дому?

Нина, пряча платочек в ридикюль, молчала.

— Вы подумайте, Нина. Я подыщу вам хорошую подругу...

...С Матвеем Козловым Тольмац встретился на заводе «Матиас».

— Да, — сказал Козлов, — я приехал от партии эсеров. Но время так летит, события так меняются, что

во многом я еще и сам не разобрался. Но знаю одно: хотя Керенский и перебежал к нам, дороги у нас разные.

Расстались они дружески.

Супругов Горбенко сразу повидать не удалось: готовился 1-й уездный крестьянский съезд, и они разъехались по селам. Увидел их Тольмац уже на съезде. Сам Горбенко был в форменной студенческой тужурке, имел, как и многие в то время, небольшие, тонко закрученные усики; Зоя Горбенко, худая, отчего казалась высокой, носила платье с широким воротником. Гладкая прическа, всегда плотно сжатые тонкие губы и характерный нос с горбинкой — все это придавало ей строгость и даже некоторую суровость. В одном были схожи супруги — оба носили пенсне.

На съезде Горбенки блистали красноречием — и Зоя и Александр оказались хорошими ораторами, но говорили они не о захвате власти, а об Учредительном собрании, которое наконец на законном основании отдаст землю крестьянам. Им даже удалось добиться большинства по вопросу создания совершенно обособленных Советов крестьянских депутатов.

Тольмац и Егоров спорили с ними до хрипоты, убеждали, что крестьянская масса неоднородна, что, если уж говорить о Советах в деревне, нужны Советы батрацких депутатов. Но крестьяне, собравшиеся на съезд, были прижимисты. Ухмыляясь в бороды, они дружно проголосовали за «свои» Советы.

— Ну и союзничков нам бог подкинул! — крутил головой Саша Егоров. — Да они ничуть не лучше Кисленко! Как мы в такой обстановке будем проводить выборы в городскую думу — даже и не знаю!

А события в стране развивались с небывалой быстротой.

Узнав, что большевики Питера готовят демонстрацию 10 июня, меньшевики и эсеры добились издания прямого запрещения устраивать даже мирные демонстрации. Ленин призывал: максимум спокойствия, не давать «повода к нападению, пусть нападают они, и рабочие поймут, что они делают покушение на самое существование пролетариата».

И I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, состоящий главным образом из меньшевиков и эсеров, был вынужден назначить демонстрацию на 18 июня, но... под своим руководством.

А что вышло на деле?

В. И. Ленин писал: «Демонстрация 18-го июня стала демонстрацией сил и политики революционного пролетариата, указывающего направление революции, указывающего выход из тупика».

А в ночь на 19 июня «вождь» и «штатский» военный министр Керенский сдержал свое слово — послал войска в наступление.

И солдаты пошли в наступление, без необходимой подготовки, без достаточного вооружения, и... сотни тысяч погибли, а остатки — отступили. Народ еще раз узнал цену демагогическим клятвам «Александра Четвертого». Терпение народа истощилось. 3 июля на Выборгской стороне начались демонстрации. Остановить народный поток уже было нельзя. Юнкерские и офицерские части открыли огонь. Кронштадтские моряки, путиловцы и рабочие других заводов были расстреляны прямо на улицах, в частности на Садовой и у Литейного моста.

В Бердянке об этих событиях узнали с опозданием. В это время здесь шла подготовка к выборам в городскую думу. «Известия Бердянского Совета» призывали: «Голосуйте за список № 1!» И первым в этом списке был обозначен Наум Киселенко. Высту-

пая на митингах, перед избирателями, он клеймил большевиков как контрреволюционеров, а Ленина называл немецким шпионом, изменником, которому место на скамье подсудимых. Хуже всего было то, что, как заметил Тольмац, многие бердянские большевики растерялись, они не знали, что отвечать на газетную травлю, некоторые стали избегать публичных выступлений.

В эти дни Зоя Горбенко сама пришла к Тольмацу.

— Я знаю,— сказала она,— вы во многом не согласны с нами. Я даже не уверена, правы ли мы, что откололи крестьян в отдельный Совет. Но то, что Ленин шпион,— это клевета, гнусная и подлая.

— Что ж, спасибо и на этом! — улыбнулся Тольмац, но улыбка его вышла грустной. — А ваш Церетели сел в лужу. Помните, как он заявил на I съезде Советов по поводу наступления по приказу Керенского? Это «поворотный момент в революции». Вот и повернулись. Только куда?

Зоя быстрым движением руки поправила пенсне.

— Да, сначала была победа. Потом отступление. Я знаю, крестьяне против войны. Удивляюсь, как не могут понять этого наши лидеры!

После ее ухода Рудольф подумал: «А они, кажется, заколебались... Но Киселенко! Этого ничем не прошибешь!» Вскоре он нашел случай поговорить с Наумом.

— Слушай, друг, ты всегда говорил, что партийная борьба — дело святое, тут не может быть компромиссов. Но святое дело нужно делать чистыми руками.

— У нас руки чистые...

— А кровь рабочих во время расстрела?

— В этом твои дружки — большевики — виноваты.

— Ну а клеветать на Ленина — это свято?

— Почитай вот тут,— сказал Киселенко, тыча пальцем в газету.— И не злись. Вы проиграли борьбу и честно признайтесь в этом. Пока!..

Это была черносотенная газета. Она с ликованием писала, что командующий войсками Петроградского военного округа генерал Половцев приказал командиру отряда, созданного для поимки Ленина, расстрелять его на месте. «Вот был бы хороший подарок к съезду большевиков!» — восклицала газета.

«Они могут убить Ленина! — с ужасом подумал Тольмац.— Но о каком съезде идет речь?»

Он пришел к Саше Егорову и показал ему газету.

— Да ты что, совсем заработался! О созыве съезда партии писала «Правда». Вот взгляни...

— Саша, я должен поехать на съезд!

В голосе Тольмаца было столько решимости, что Егоров развел руками.

— Надо собрать группу, обсудить.

— Ну что ж, собирай! — закричал Тольмац, потом, словно устыдясь своей вспышки, тихо попросил: — Саша, поддержи. Побывать в Питере необходимо.

На следующий день они собрали свою группу. Тольмац, необычно бледный, заявил:

— Товарищи, в Питере открывается съезд партии. Прошу вас — командуйте меня на съезд.

— Но ведь через три дня выборы в городскую думу!

— Не будем строить иллюзий — на выборах мы провалимся. А видеть, как будет торжествовать Киселенко, я просто не могу...

— Ну, это уж совсем не по-партийному!

— Да поймите! — Тольмац порывисто встал.— У нас нет главного — мы не связаны с ЦК, не знаем очередных конкретных задач, варимся в собственном соку и занимаемся кустарщиной. А на съезде я поду-

чусь, добьюсь, чтобы к нам прислали опытных товарищей, привезу новые партийные документы.

После коротких дебатов Тольмацу выдали удостоверение.

Все крепко пожали ему руку, пожелали счастливой дороги.

— Да смотри, долго не задерживайся! — наставлял Саша Егоров.

...Поздно вечером, когда Нюра собирала Рудольфа в дорогу, в окно осторожно постучали.

— Кто там? — Тольмац, чуть приоткрыв дверь, вглядывался в темноту.

— Это я, Рудольф Янович.

По голосу Тольмац узнал Нину Клейн.

— Да входите же, Нина!

— Неудобно. Лучше вы выйдите...

Нина держала в руках небольшой баульчик.

— Ну вот, самое страшное случилось...

— Вы ушли из дому?

— Да. Отец узнал, что я бываю в Совете. Состоялась дикая сцена... — Нина расплакалась.

Рудольф осторожно взял ее за плечи.

— Ничего. Это к лучшему. По крайней мере, теперь не надо скрываться: Идемте...

— Куда? — испуганно воскликнула Нина.

— Тут недалеко живет Лиля Полякова. Вы ее знаете?

— Да... И она примет меня?

— С радостью примет! Я уже говорил с ней...

Они шли в темноте, не видя друг друга. Тольмац лишь иногда, в просвете между деревьев, различал нечеткий профиль спутницы.

— Я только тем и утешаю себя, что не одной мне тяжело... — говорила она как бы про себя. — Сколько вокруг горя, настоящего, большого горя!.. А сегодня,

когда вы говорили о своей поездке в Питер, у вас было такое лицо...

«Уж не собирается ли она меня жалеть?» — насторожившись, подумал Тольмац и спросил как можно равнодушнее:

— Какое же? Интересно...

— И вам тяжело. Я вижу. Вы изнервничались, вам кажется, что у нас все разваливается, и поэтому вы, на мой взгляд, недовольны собой. Вы не сердитесь, Рудольф Янович, что я говорю об этом?

— Да нет, что вы! — механически воскликнул Тольмац, чувствуя, как у него горят уши.

— Наш путь не усеян розами, — произнесла Нина с едва ощутимым вздохом и надолго замолчала.

...На станции Пологи поезд, в котором ехал Тольмац, стоял долго, ожидая встречного. Наконец мимо пронесся товарный состав — в вагонах ехали солдаты.

— Что это — в Бердянск едут солдаты? — удивленно спросил Рудольф у соседа по купе — пожилого бухгалтера из Киева.

— Да, — спокойно кивнул он. — В Одессе, в Харькове, в других городах скопились большие гарнизоны. А время знаете какое... Солдатики теперь тоже митингуют. Вот и решили их рассортировать. В Бердянск направлен, кажется, 46-й пехотный полк.

Рудольф отвернулся к стенке и закрыл глаза. А колеса, казалось, выстукивали с укоризной: вот-так-так! вот-так! вот-так!

Тольмац не мог уснуть — ему было о чем подумать...

*

О том, что Тольмац был делегатом VI съезда РСДРП(б), мне сообщила молодая сотрудница Бердянского краеведческого музея Валя Маневская.

— Посмотрите протоколы VI съезда, издания 1958 года, страница 308,— сказала она деловито и предельно точно.— После съезда Тольмац возглавил организацию большевиков в Бердянске.

«Быть стрелой...»

Вквартире на Чугунной улице Тольмаца встретили с радостью. Было раннее утро, и Наталья Ивановна засуетилась — надо покормить зятя, выгладить его помятый в вагоне костюм. Александр вскочил с кровати заспанный, быстро оделся и долго тискал крепкие плечи Рудольфа.

— Так как же теперь тебя именовать? Ты все еще финн?

— К черту! Теперь — свобода, и я снова Тольмац...

— Да-а, свобода... — протянул Александр.

— Что же это будет? — тихо спросила Наталья Ивановна. — Царя скинули — как народ радовался! А теперь опять в наших стреляют... В магазинах — хоть шаром покати. За хлебом с вечера в очередь становимся.

Тольмац начал распаковывать две корзины, бережно увязанные Нюрой, — в них были огурцы, помидоры, фрукты, рыба.

— Батюшки! — всплеснула руками Наталья Ивановна. — Богатство-то какое!

— Это гостинцы от Нюры... и от меня.

— Значит, у вас в Бердянске житье-то полегче, слава богу.

— Все-таки юг, море...

По-семейному сели за стол.

— А про Ленина слышал, что пишут? — Александр протянул газету «Живое слово».

Тольмац ухватился за листок обеими руками, впился глазами в строчки.

— Да ты поел бы сначала, — Наталья Ивановна пододвигала зятю тарелки. — Похудел ты, Рудик. Хоть с питанием у вас и лучше, а ты все худой...

Рудольф ничего не слышал — он читал важную заметку. Алексинский (бывший большевик!) сообщал журналистам, что попавший в немецкий плен прапорщик Ермоленко получил предложение вернуться в Россию и вести там агитацию против войны и что такое поручение уже выполняет Ленин — агент германского генерального штаба.

— Черносотенная газетка, — сказал Александр, — а Алексинский подлый перебежчик. Еще раньше он оклеветал журналиста Дмитриева. Даже меньшевистский Исполнительный комитет Петроградского Совета отказался от его услуг.

— Вот что значит провинция! — воскликнул Тольмац. — Мы же этих фактов не знали.

— Теперь Алексинский сотрудничает в банковской газете «Русская воля» и хочет выслужиться перед Керенским. Это его последний козырь.

Рудольф вспомнил слова Киселенко и сказал неуверенно:

— Но, говорят, что он работает с Плехановым в газете «Единство»?

— А ты читал эту газету?

— Нет, у нас ее не найдешь. Один Киселенко получает и прячет.

— И неспроста. Это «Единство» поносит большевиков и лижет пятки Временному правительству.

— Ну а заявление Панкратова? — Рудольф опять привел довод, которым широко пользовался Кисе-

ленко.— Он же, говоря, настоящий революционер, сколько лет в тюрьме просидел...

— Вот в том-то и беда, Рудик, что сейчас многие бывшие узники царя готовы лобызаться с ним... Слышал — «Правду» разгромили?

— Слышал.

— Вот уж что верно, то верно,— подхватила Наталья Ивановна,— правды и раньше не было, и теперь не найдешь.

Саша и Рудольф переглянулись и рассмеялись.

— Ну а ты зачем к нам пожаловал? — спросил Александр, когда закончили завтрак и вышли в коридор покурить.

— На съезд. Все хорошо бы, да... Во-первых, у меня нет настоящего мандата, вопрос решили наспех... Во-вторых, опоздал, съезд, наверное, уже начался, а я даже не знаю, где он проходит.

— Ну, тут ты не горюй. Сейчас я тебя отведу.

— А ты знаешь адрес?

— А как же! Я состою в охране съезда.

Когда они собрались уходить, хозяйка забеспокоилась.

— Куда вы пойдете? — допытывалась она.— Там стрелять-то не будут?

— Не будут, мама. Рудольф начнет заседать, а я буду его охранять.

Мать недоверчиво посмотрела на сына и покачала головой.

Вышли на улицу.

— Ну, куда же ты меня поведешь, конспиратор?

— На Выборгскую сторону. В помещение бывшего Сампсоньевского братства...

Некоторое время шли молча.

— Ты не думай, Рудольф, что мы заколебались,— тихо сказал Александр, не поворачивая головы,— мы

знаем, что народу надо. Только уж много словесного дыму понапущено. Не продохнешь...

— Да, время суровое,— проговорил Тольмац,— и сейчас надо быть стрелой.

— Стрелой? — переспросил Александр.— Что-то не пойму — о чем речь.

— А это я в детстве сказку слышал про волшебную стрелу,— улыбнулся Тольмац.— Мы должны быть сейчас стрелами, чтобы разить врагов ради народного счастья.

— Станный ты какой-то. Тут голова идет кругом, а ты про сказки...

Подошли к воротам, у которых стоял рабочий вооруженный патруль. Александр провел Тольмаца во двор, и они простились: один пошел разыскивать начальника патруля, другой — регистрироваться.

Оказалось, что Рудольф не опоздал: первое заседание откроется вечером.

В комнате, где шла регистрация, народу было много. Тольмац, пробираясь к столу, заглядывал в лица, но знакомых не находил. Женщину, которая вела регистрацию, сразу узнал — однажды он слушал ее лекцию. Вот только фамилию забыл.

Открылась дверь, ведущая в соседнюю комнату, и высунувшийся мужчина громко позвал:

— Товарищ Менжинская, вас к телефону...

«Ну конечно же, это Менжинская — лектор в рабочих кружках и школах,— вспомнил Тольмац,— а будет ли Михаил Иванович Калинин?»

Менжинская, вернувшись, села за свой стол и несколько секунд не могла сосредоточиться.

— Ах, как скверно,— быстро сказала она,— стенографистки не будет. Сколько ни пытались, так и не могли найти хорошую стенографистку. Придется вести протоколы самим.

Рассматривая документы Тольмаца, она посмотрела на него внимательно и предложила:

— Пойдемте со мной...

В отдельной комнате Рудольф объяснил товарищам, как у бердянских большевиков созрело решение послать его на съезд.

Человек, подзывавший Менжинскую к телефону (как потом узнал Тольмац, это был Иван Москвин), сказал:

— Из Бердянска у нас нет никого. А район очень важный — порт, железная дорога, рядом Екатеринославская губерния, Донецко-Криворожский бассейн. Что ж вы так плохо держите с нами связь?

Рудольф начал было рассказывать о трудностях местной работы, но его перебили:

— Правильно сделали, что приехали, — на съезде будут решены очень важные вопросы. Получите право совещательного голоса.

Теперь Рудольф чувствовал себя увереннее. Получив документы, он спросил у Менжинской:

— А товарищ Калинин будет?

— Да. Он только что был здесь. Посмотрите, может быть, он не успел уйти.

Тут же Москвин раздал всем присутствующим листки с проектом порядка дня и брошюру Ленина «К лозунгам».

— Первое заседание, товарищи, вечером, в восемь часов, — сказал он на прощание. — Прошу не запаздывать. А пока знакомьтесь друг с другом, организуйте по областям. И не забывайте об обстановке. Керенский может устроить на нас охоту, так что будьте начеку.

Тольмац не спешил уходить — ему хотелось заполучить новые статьи Ильича. Он выбрал момент, когда

Менжинская оторвалась от своих бесконечных бумаг, и обратился к ней с этой просьбой.

— Хорошо,— сказала она, внимательно посмотрев на Тольмаца,— я дам вам статьи «Три кризиса» и «Политическое положение». Это очень важные ленинские работы...

Тольмац увел Александра домой, и вдвоем они вслух читали ленинские статьи. Нагалья Ивановна, хлопотавшая на кухне, с тревогой прислушивалась к их возбужденным голосам.

— Ну вот видишь,— говорил Рудольф, тыча пальцем в строчку,— «всякие надежды на мирное развитие русской революции исчезли», развеялись как дым. Помнишь, ты говорил, что дыму много понапущено?

— И что же впереди?

— Вооруженное восстание рабочих. Какая у России под ногами почва?

— Почва-то зыбкая. Это ясно. Правильно Ильич пишет: «Экономическая разруха и затягивание войны».

— Вот и то-то! Победа нашего восстания возможна...

— А Советы? Их же захватили эсеры и меньшевики!

— Нам нужны Советы, но «не теперешние»... Видишь, Ленин даже подчеркнул это «не»! И правильно сделал. Нам нужны Советы «не органы соглашения с буржуазией, а органы революционной борьбы с ней».

Разговаривая с Александром, Рудольф мысленно видел перед собой Киселенко: уж теперь-то он смог бы положить его на лопатки!

Учиться управлять страной

Присутствуя на съезде, слушая политический отчет ЦК и доклад о политическом положении, Тольмац ясно видел, что в них изложены ленинские указания и дан единственно правильный, большевистский курс — на вооруженное восстание. Впервые он, пожалуй, глубоко понял, что быть большевиком значит быть, прежде всего, политиком ленинского типа. С удивлением наблюдал, что настроение неуверенности, которое он замечал у некоторых бердянцев, проскальзывало и здесь у отдельных участников съезда. А когда Преображенский заявил, что Россию можно будет направить по социалистическому пути только при наличии пролетарской революции на Западе, а Бухарин стал утверждать, что крестьянство настроено оборончески, что оно находится в блоке с буржуазией и не пойдет за рабочим классом, Тольмац понял, что и в партии есть элементы, которые все еще не верят в силы пролетариата. Съезд явился для Тольмаца боевой школой политического воспитания.

Сидел Тольмац по большей части с Василием Шмидтом. Они знали друг друга давно. И не только по заводу «Новый Лесснер», где одно время работали вместе. Они были товарищами по большевистскому подполью. В годы, когда Рудольф жил в Питере, Шмидт был членом Петербургского комитета партии, был одним из руководителей Петербургского союза металлистов. Шмидт был арестован вместе с Тольмацем, когда они вместе возвращались с нелегального партийного собрания. И вот встреча на съезде. Шмидт расска-

Их помнит Бердянский. Слева направо: А. М. Винокуренко,
П. А. Введенский, А. А. Дюмин, А. М. Егоров.

Их помнит Бердянск. Слева направо: А. М. Озол, Д. И. Воронков,
И. И. Вильнер, А. М. Мазин.

Россійская Соціалъ-Демонратическая Рабочая Партія
Пролетаріе всѣхъ странъ, соединитесь!

ПРАВДА

ОРГАНЪ
 Центрального Комитета
 и
 Петербургскаго Комитета
 Р. С.-Д. Р. П.

№ 15   Среда   ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА   22 марта [4 апреля] 1917 г.

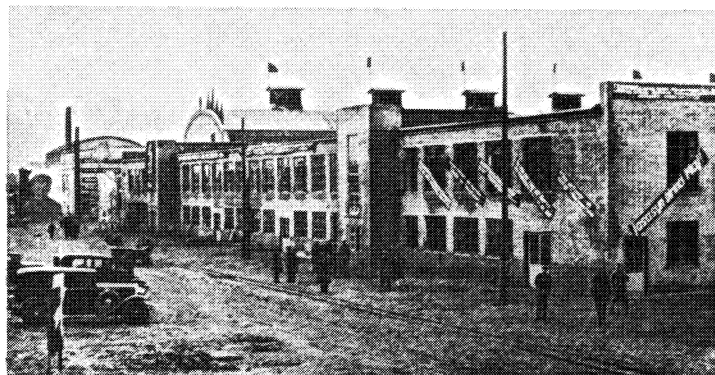
Как укрепить и расширить наши завоевания.

Старому режиму нанесен сильный удар, но он еще не уничтожен окончательно. Еще существуют те силы, на которые этот режим опирался. Главной опорой

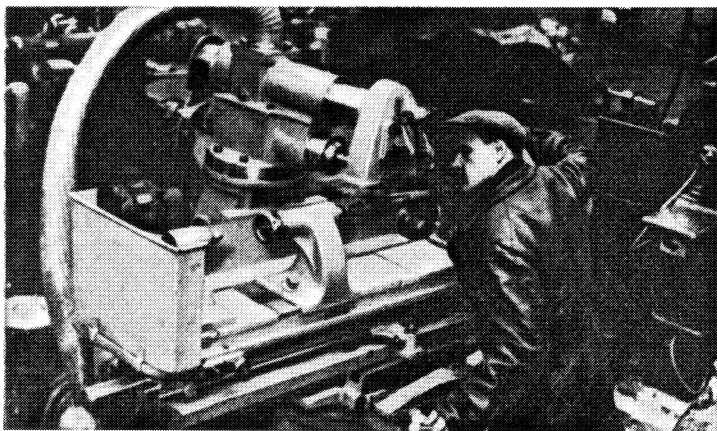
получат возможность пользоваться всеми общегражданскими правами, когда в частности будет свобода агитации в армии, — только тогда революционная армия и народ могут рассчитывать на то, что разобьется алчущая всякая попытка превратить армию в орудие в руках врагов революции, в руках сторонников старого режима.

На-ряду с армией должен быть вооружен и народ. В городах должна быть создана сильная рабочая милиция.

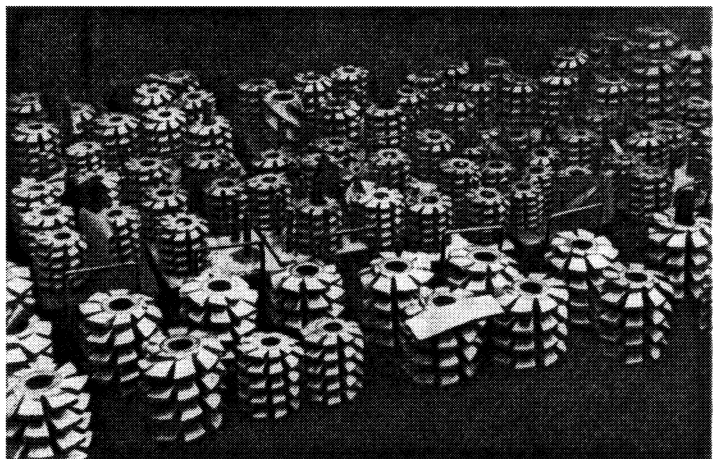
Дом бывш. Езрубского на Гоголевской улице, где заседал первый Бердянский Совет.
 Из архива Р. Я. Тольмаца.

М. И. Калинин на заводе «Фрезер». Слева от него Р. Я. Тольмац
Завод «Фрезер» перед пуском.

На заводской территории.
Р. Я. Тольмац у станка.

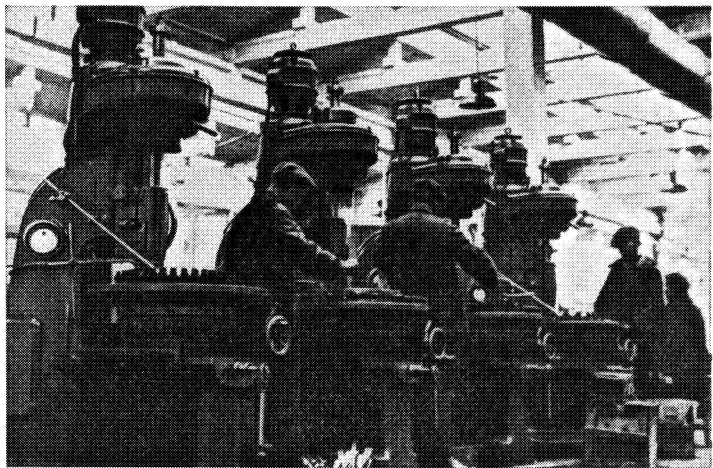

Продукция завода.
В заводском саду. Справа Р. Я. Тольмац.

Р. Я. Тольмац.

Группа вертикальных станков.
На собрании в термическом цехе завода.

зал, что из тюрьмы его освободила Февральская революция...

— Слышал, слышал про тебя,— сказал Тольмац,— член исполнительной комиссии Петербургского комитета партии, председатель Центрального бюро петроградских профсоюзов...

— Сегодня выступит с приветствием представитель нашего Центрального бюро,— сказал Шмидт.

И действительно, вскоре на трибуне появился Шляпников, но его выступление не понравилось Тольмацу — уж слишком обтекаемы были фразы, формулировки расплывчаты и туманны. А фразы вроде: «надеюсь, что в дальнейшем мы сольемся с вами значительно теснее» и «они... хотели бы видеть единую интернационалистическую социалистическую партию», напомнили Тольмацу Кисленко, который вот так же умел жонглировать фразой.

— А сам-то ты будешь выступать? — спросил почти строго Шмидт.

— Да нет... Нам хвалиться нечем,— ответил Тольмац.

В перерывах, беседуя с новыми товарищами, Тольмац на вопрос, как идут дела, только неопределенно хмыкал да хмурился. Ему было мучительно стыдно и казалось, что бердянские большевики просто еще сопливые мальчишки в сравнении со всеми этими ветеранами. Вот почему, когда начались сообщения с мест, он был особенно внимателен. Хотелось побольше узнать, как же работают другие группы. Партия небывало выросла и окрепла. Это бесспорно. Но трудностей хоть отбавляй.

Представитель социал-демократий Прибалтийского края рассказывал, что из Риги эвакуированы все фабрики, работу ведут главным образом среди солдат.

Старались объединить Совет 12-й армии с Советом рабочих депутатов, но не удалось. Тогда 23 полка образовали оппозицию, и теперь на выборах «перевес будет на нашей стороне».

Представитель Поволжья говорил о работе среди крестьян, о нехватке дельных партийных кадров, о том, что «интеллигенция... отшатнулась», что выборы в городские думы проходили в момент, когда Алексинский пустил свою клевету, и это очень сказалось на результатах выборов. Докладчик от Донецкой области жаловался на отсутствие кадров — там, где есть большевики, дело идет хорошо, а в других местах «наши агитаторы даже избиваются, и приходится нередко спастись от самосуда толпы». Представители Грозного и Тифлиса говорили об особенностях работы в районах, где процветает национальная вражда.

...Всю ночь Тольмац проворочался на постели, вставал, закуривал и тут же гасил папиросу. Он все думал о бердянских делах, сопоставлял, взвешивал, во многом ругал себя, кое в чем успокаивал. Утром в киоске на углу купил свежих газет и сразу наткнулся на постановление Временного правительства о предоставлении министрам — военному и морскому министру и министру внутренних дел — права закрывать съезды и собрания.

— Да это же они на нас замахнулись! — тихо и зло пробормотал он и быстро пошел в помещение бывшего Сампсоньевского братства. У ворот и во дворе, как всегда, стояли группы рабочих-дружинников. В помещении делегаты, тихо переговариваясь, занимали места. Свердлов, по-прежнему деловито-спокойный, открыл заседание в установленное время, но тут же предложил объявить перерыв на полчаса для совещания президиума и членов ЦК.

После перерыва заслушали короткие приветствия Совета рабочих депутатов Выборгского района и представителя Американской социалистической рабочей партии.

Тольмацу понравилась деловитость и полное спокойствие президиума — оказывается, все уже было обдумано, каждый делегат получил новый адрес.

Следующее заседание лишь завтра вечером. Куда же девать свободное время? И Тольмац решил во что бы то ни стало обстоятельно поговорить по-настоящему с Калининным.

И вот наконец такой случай представился.

— Ну, вот и свиделись, — сказал Михаил Иванович, беря руку Тольмаца в обе свои руки. — Знаю, что из дисциплинарного батальона бежал... Небось натерпелся страха?

— Натерпелся, Михаил Иванович, — сознался Тольмац. — А вы где сейчас?

— Я теперь, брат, на трубочном заводе. Бывал на нем? — Тольмац кивнул. — Ну, теперь ты его не узнаешь — здорово разросся.

— И опять в инструментальщиках?

— А как же — в восьмой инструменталке, там, где и десять лет назад был. Зашел бы как-нибудь, на станок взглянул, а то небось отвык от станка-то...

Он толкнул Рудольфа локтем под бок, и они весело рассмеялись.

Вскоре они сидели за отдельным укромным столиком, в том самом ресторанчике «Пальмира», где встречались и раньше.

— Так, значит, говоришь — плохо?

— Плохо, Михаил Иванович. Главное — нам надо от меньшевиков отколоться, оформиться в большевистскую организацию.

— Правильно. А Киселенко вашего я знаю. Вот уж

никак не думал, что этот мужик золотые руки совсем свихнется...

Михаил Иванович задумался.

— Ты Дюмина знавал?

— Александра Алексеевича? Хорошо знаю...

Они оба молчали, вспоминая этого простого, душевного человека. Дюмин, уроженец города Курска, пятнадцатилетним подростком приехал в Москву, и здесь началась его революционная деятельность: он распространял партийную литературу, организовывал стачки, участвовал в баррикадных боях пятого года. Затем работал в Петербурге, Екатеринославе, Брянске, опять в Петербурге на заводе «Старый Лесснер». В феврале семнадцатого Дюмин был избран председателем заводского комитета, много отдал сил на организацию отрядов Красной гвардии, составил первый проект ее устава...

— Жена у него — умница. Трое детей маленьких. А сам вот сдал маленько.

— Что с ним?

— Заболел. Врачи определяют — чахотка. Мы ему пока не говорим об этом, лежать заставляем...

— Михаил Иванович, — живо воскликнул Тольмац, — а что, если его к нам, в Бердянск? Все-таки юг, море, степной воздух, фрукты!

— Вот и я об этом подумал.

— Он Киселенко сразу рога обломал бы!

Калинин засмеялся так, что затряслись плечи и очки раза два подпрыгнули вверх.

— Вот так лечение — черту рога ломать!

— Да нет, — смутился Тольмац, — это между делом... то есть между леченьем. Нам, главное, его совет нужен.

— Ладно, я поговорю с ним. Думаю — согласится.

— Только тянуть с этим делом не надо.

Калинин кивнул бородкой.

— Михаил Иванович, а Ленин сейчас в надежном месте? — решился спросить Тольмац.

— В надежном месте.

— Не поймают?

— Да что мы будем тогда с тобой стоять! Это же какой человек! Вот у кого надо учиться работать. Сколько он за этот период статей написал на самые главные темы дня! Даже поверить трудно. А со сколькими людьми успевает побеседовать, посоветоваться, дать важные указания, в чем-то поправить, в чем-то подтолкнуть...— Михаил Иванович бросил на Тольмаца косой взгляд.— Ты-то сам как работаешь? Советуешься с кем или все больше горлом берешь?

— Да нет, я горло зря не трачу.

— А на митингах, собраниях выступаешь? Или и тут горло бережешь? — Михаил Иванович нетерпеливо поерзал на стуле.— А Ильич? Вот ты возьми один только месяц. Ну, скажем, май. 1-го — речь перед рабочими с трибуны ЦК. 7-го — открытие Всероссийской конференции РСДРП — вступительное слово, доклад о текущем моменте. 8-го — речь о проекте созыва международной социалистической конференции и об отношении к Советам. 12-го — выступление по вопросу о положении во II Интернационале. 21-го — помещение Морского корпуса, доклад о Всероссийской апрельской конференции. 23-го — выступление на собрании первой межрайонной организации РСДРП. 25-го — речь на митинге. 27-го — лекция о войне... И так изо дня в день, из часа в час — работа, работа и опять работа...

Он посмотрел на свои пальцы и сжал их в кулак.

— А чем вы сейчас заняты, Михаил Иванович?

— Понимаешь, какое дело,— неторопливо заговорил Калинин,— хочу я стать городским головой. Да ты не смейся, я это не шутя сказал. Меньшевики и эсеры

сумели проникнуть всюду. У нас завком почти полностью захватили. Надо их оттуда как-то выкуривать. А как? Самим надо брать все дела в руки.

— Ну а зачем дума?

— Так уж и не понимаешь? — Калинин недоверчиво сверкнул очками. — Сейчас в Центральной городской думе меньшевиков и эсеров — две трети. Городской голова Шрейдер — ярый эсер. Вот и подумай, что они могут там натворить против нас... Но тут нужна гибкость.

— Ну, Михаил Иванович, никак я не ожидал, что вы можете быть гибким! — засмеялся Тольмац.

— Эх, дружок, ты, гляжу, в политике еще мало каши ел. Сейчас созданы новые городские районы. И вот слушай, что мы надумали, — прибрать к своим рукам Лесновскую районную думу. Из сорока двух избранных гласных — половина большевики. И ставим задачей, чтоб меня избрали председателем районной управы. — Калинин засмеялся, глядя на удивленное лицо своего собеседника. — Это же карьера! С этого поста, браток, и до городского головы недалеко.

— И что же вы будете делать, когда станете городским головой?

— Ты думаешь — банкеты закатывать? — Калинин опять засмеялся. — Будем руководить городом так, как нам нужно, через предприятия городского самоуправления по-большевистски наладим работу городского хозяйства. И тогда народ увидит, что большевики несут добро.

Прощаясь, Михаил Иванович задержал руку Тольмаца в своей руке.

— Ты что же думаешь, что мы о власти говорим так, для красного словца? Нет, мы непременно возьмем власть. А раз так, надо учиться управлять страной...

Возвращаясь на Чугунную, Тольмац то и дело замедлял шаг и, покачивая головой, улыбался. «Ну и Калиныч... Как он ловко меня отделил! На собраниях выступаю мало — факт? Факт! На выборы в думу смотрел сквозь пальцы — факт? Факт! А как он про Ленина говорил...» Тольмац вздохнул: и на этот раз не удалось увидеть и послушать Ленина.

...После ужина вышли с Александром в коридор покурить.

— Слушай,— сказал Александр,— у нашего подъезда интересный тип мне встретился — американец. Одет так чудно, брючки узкие, как дудочки.

— Эка невидаль!

— Да ты не экай... Он русский. Остановился у моего дружка, случайно. Думаю, тебе надо поговорить с ним.

Так совершенно случайно Тольмац познакомился с рижанином Альбертом Мартыновичем Озоле — человеком удивительной судьбы. Отец Альберта Мартыновича умер рано, и ему еще мальчишкой пришлось идти работать по найму. В революцию пятого года он уже был большевиком. Его группе поручили уничтожить отъявленного монархиста барона фон Гельмерсена. В лесу недалеко от Риги завязалась перестрелка. Альберт был ранен и схвачен, но бежал из тюрьмы. 17 января 1906 года он участвовал в бою с конными родовыми. Его снова схватили и приговорили к смертной казни.

Рудольф впервые видел перед собой человека, который сидел в камере смертников.

— Ну и как, вам было страшно?

Озоль снял пенсне, протер его и, близоруко щурясь, улыбнулся:

— Не очень... Я ведь знал, на что иду. И вот осталось одно — сойти с ума.

— Вы симулировали сумасшествие?

— Да, и не тихое, а буйное. Шесть месяцев я разыгрывал такие сцены, что самому было страшно.

— И поверили?

Озоль надел пенсне, провел рукой по темным, зачесанным назад волосам.

— Как видите — я перед вами.

— Вы очень уж скупно рассказываете, — заметил Тольмац. — Как же вам удалось бежать?

— Из рижской тюремной больницы меня перевели в специальное лечебное заведение для душевнобольных. Там была только врачебная охрана. Ну и друзья помогли бежать.

— И куда же вы скрылись?

— В Северную Америку.

Он говорил так просто, как будто речь шла о пригороде Петрограда... Но тут он оборвал воспоминания и заговорил о главном:

— Я слышал, что вы приехали с юга?

— Да. Из Бердянска.

— И там есть железная дорога?

— Да... — Тольмаца искренне удивляли эти вопросы. — А что, собственно, вас интересует?

— Сейчас придут еще два моих товарища, и вы все поймете...

Действительно, вскоре пришли еще двое — плечистый латыш, отрекомендовавшийся Иваном Вильнером, и стройный, щегольски одетый Лев Гринштейн.

— Вы, конечно, знаете, — начал Гринштейн, легким движением откидывая назад волосы, — что после революции пятого года в Америку эмигрировало боль-

шое количество революционеров. Об этом и Ленин писал...

Тольмац кивнул, самоуверенный взгляд собеседника смущал его.

— Так вот, мы как раз из этой братии.— Он улыбнулся, тонкие брови чуть скривились, взгляд черных глаз несколько подобрел.

Неторопливо Гринштейн начал рассказывать, как эмигранты создали в Нью-Йорке «социалистический кооператив русских механиков», арендовали помещение в районе Ист-Сейда, где живут эмигранты всех национальностей, поставили два токарных, два строгальных («Подержанный Шепинг»,— быстро добавил Вильнер), фрезерный и сверлильный станки.

Теперь Рудольф слушал с нескрываемым интересом.

— Пробовали изготавливать литографические штампы, канцелярские кнопки, а потом перешли на производство лекал. Дело пошло хорошо. Наш «президент» Кузьмин—техник по образованию—закупал новые станки, сложное оборудование. Мы сменили помещение, привлекали новых членов кооператива.

— Принимали только партийцев,— вставил Озоль.

— И вдруг— в России Революция, и мы решили перевезти завод через океан. Нам помог русский посол Бахметьев, связал нас с неким Союзом земств и городов, который обязался за свой счет перевезти нас. 27 мая мы— первая группа— отплыли...

— И что же дальше?

Озоль разочарованно махнул рукой:

— В России нет ни одного инструментального завода. Мы привезли отличные станки, оборудование, у нас прекрасные специалисты-универсалы... Но тут, оказывается, хотят разгружать Питер от заводов. И нам, конечно, нет места...

— Бросились в Москву,— продолжал Вильнер,— и там никакого сочувствия. Все занято под склады, эвакупункты, лазареты.

— И что же теперь?

— Коллектив тает, упакованные станки — на товарной станции, а где приклонить голову — не знаем. Наши люди были и в Харькове и в Киеве. Всюду отказ...

Тольмацу стало даже жарко.

«Черт побери! — думал он. — Первый инструментальный завод в России! Люди — закаленные бойцы, прошли, можно сказать, огонь, воду и медные трубы, многие из них — настоящие революционеры. Они пополнят нашу организацию...»

— Слушайте, друзья, — сказал он, вставая и подчеркнуто спокойно зажигая папиросу, — кажется, я тот человек, который вам нужен. Едемте в Бердянск. Там много небольших заводиков. Инструмент нужен во как! — он провел ладонью у горла. — Городок стоит у моря, климат отличный, с продуктами, можно сказать, хорошо.

— Да, но найдется ли помещение для завода?

— Найдется!

«Американцы» дружно засмеялись.

— Вы говорите так уверенно, как будто речь идет об одной-двух комнатах. Нам нужно помещение для завода, пусть небольшого, но за-во-да.

Тольмац обиженно сжал губы.

— Нет, вы только посмотрите на этих «американцев»! — воскликнул он, с улыбкой взглядывая на Александра. — Конечно, американских небоскребов я не обещаю, но конюшню вы иметь будете.

Теперь хохотали все — и хозяин квартиры, и Александр.

— Да нет же, не конюшню, а хлебный амбар, прекрасный, высокий, кирпичный, стены — во! — Тольмац широко раздвинул руки. — Из этого амбара получится замечательный цех. Прсломаем в стенах окна — и все.

Вильнер первым перестал смеяться.

— А крыша со слуховыми окнами?

— Да. Замечательная железная крыша.

— Постойте... — сказал Гринштейн и, встав с места, подошел вплотную к Рудольфу: — Давайте же познакомимся по-настоящему.

Тольмац рассказал, что он член уездного Совета, руководит в Бердянске Красной гвардией, а в Петроград приехал на съезд большевиков.

— Что ж, — сказал Вильнер, — это кое-что стоит... А потом, гляжу, вы мой земляк?

— Да, я жил в Риге, но я эстонец, — быстро говорил Тольмац, доставая из кармана карандаш и клочок бумаги. — Вот смотрите... — Он быстро начертил две линии. — Это улица Пригородная. А это — Лиски... Так называется улица, говорят, будто там жила какая-то красотка Лизка, — он задорно подмигнул Гринштейну. — Тут кладбище... И вся эта территория — усадьба старухи Глебовой. Она сдала ее в аренду купцу Фельдману.

Озоль коротко свистнул.

— А свистунов на мороз... — улыбнулся Тольмац.

— Но ведь этот Фельдман...

Тольмац поднял руку:

— Этот купец себе на уме. Все капиталы уже перевел за границу и скоро сам драпанет...

— Хорошо, — сказал Гринштейн, — допустим, что мы согласны... Но чиновники Временного правительства! Как узнали, что у нас много большевиков, сразу скисли.

— Ну, это мы уладим. Шутка ли — первый инструментальный завод в России!..

Тольмац возвращался в Бердянск веселый. Теперь он был снабжен материалами съезда, вез манифест РСДРП(б) «Ко всем трудящимся, ко всем рабочим, солдатам и крестьянам России». Строки из манифеста о том, что нужно готовиться к новым битвам, строиться в боевые колонны, копить силы стойко, мужественно и спокойно, он запомнил наизусть. Он был рад, что дело с «американцами» довел до конца. Связавшись с Военно-промышленным комитетом, он получил все необходимые документы на провоз заводского оборудования в Бердянск.

В день отъезда Рудольф побывал на квартире Дюмина. Александр Алексеевич, давно не бритый, с подбородком, заросшим колючими пучками волос, лежал в постели. Рядом играли озорники-погодки — два мальчика и девочка.

— Машенька! — закричал Дюмин. — Взгляни, кто к нам пришел...

Тольмац поздоровался с женой Дюмина, а ребяташки тотчас окружили его, один полез на плечи, другой пытался покачаться на ноге, а третий колотил кулачонками в спину.

— Ты не думай, Рудольф, я из строя не вышел. Прихворнул маленько.

Жена расспрашивала: как там, на юге, легко ли прожить, как с продуктами? Рудольф успокоил ее — по сравнению с Питером Бердянск рай.

— Ни в какой Бердянск мы не поедem, — заявила жена. — Я уже списалась с тетушкой. Она живет в Мелитопольском уезде. Там Саша и отдохнет.

Дюмин незаметно подмигнул Рудольфу — молчи, мол, брат. Он вышел проводить Рудольфа. На прощание они обнялись.

— Ну, поезжай, друг... А я отвезу их в Акимовку к тетке и к тебе — в Бердянск...

— А нужно ли? Может, и в самом деле в селе вам будет лучше?

— И ты против меня! — Дюмин сердито сдвинул колючие брови. — Брось, брат. Да от этой сельской идиллии я скорее подохну, засохну, как муха между рамами. Разве ты не понимаешь?

В вагоне Тольмац сидел рядом с Вильнером (Гринштейн и Озоль остались в Москве — им предстояло отправить заводские грузы в Бердянск, а также уладить все дела с отъездом семей бывших эмигрантов).

— Вас зовут Иван? — Тольмац с сомнением покачал головой. — Странно.

Тот улыбнулся:

— Я Роберт Бакус. В Латвии меня считают погибшим. Роберт погиб в бою...

И он начал рассказывать о себе. Родился в батрацкой семье, потом перебрались в уездный городок Лобеле, там он стал слесарем, в пятом году участвовал в штурме дворца местного барона. Результат плачевный — шестнадцать товарищей убиты, сорок ранены. Но Роберт не струсил. Он организовал лобельскую группу «лесных братьев», которая храбро дралась против полицейских отрядов.

— Силы были неравны, и нас разбили. Я бежал. Стал Иваном Вильнером и уехал в Америку.

— А много у вас настоящих большевиков?

— Десятка два наберется. Лучшие — Фистов, Кромберг, Калинин, Сербинов, Озоль.

— А этот Гринштейн? Уж больно он форсист...

Вильнер весело рассмеялся:

— Он у нас анархо-синдикалист. Его отец имел небольшую типографию в Аккермане. В ней-то он и

начал печатать листовки для Одессы. Черносотенцы убили его старшего брата. Он поклялся отомстить. Несколько раз его арестовывали. Хотели сослать, но он бежал в Америку.

Помолчав, Вильнер снова улыбнулся:

— Между прочим, он писал хлесткие фельетоны. И знаете, как подписывал? Зеленокаменский. Каково?

Он оглянулся. Тольмац, привалясь головой к стене, крепко спал...

Ветер становится сильнее

Киселенко порывисто встал со своего места, окинул зал быстрым взглядом и громко, деловито проговорил:

— Товарищ Тольмац, можно сказать, контрабандно побывал в Питере. Так что мне, думаю, следует предоставить ему слово — пусть расскажет, о своих похождениях.

В зале зашумели:

— Киселенко, ты свои змеиные укусы брось!

— Что значит «контрабандно»!

— Что это, спрашивается, за тон?

Тольмац поднял руку:

— Товарищи, к выходкам Киселенко все мы привыкли. Но больше этого терпеть нельзя. Почему он опять занял место председателя?

— У нас большинство!

— Так вот, — Тольмац пристукнул кулаком по столу, — нашему сожительству пришел конец: «Была без радости любовь, разлука будет без печали».

— Что это значит? — Киселенко вскочил и подбежал к Тольмацу. Когда они стояли рядом, Киселенко

приходилось чуть задира́ть голову, чтобы посмотре́ть Тольмацу в глаза.

— Это означает, что господ меньшевиков мы просим удалиться из зала. Теперь мы создали отдельную организацию. А потому извольте покинуть зал.

Меньшевики никак не ожидали такого выпада. О съезде большевиков они знали мало, и главным образом из заметки, помещенной в газете «Речь». В ней говорилось, что на съезде было сто (?) делегатов, что почетным председателем был избран разыскиваемый властями Ленин, что «провинциальные делегаты... вполне одобрили тактику ЦК». В конце заметки газета явно в провокационных целях намекала, что Ленин «находится в пределах России в постоянном контакте с ЦК фракции большевиков».

После короткого замешательства Киселенко, призывая своих друзей к спокойствию, заявил:

— Но, в таком случае, вам придется покинуть Совет, потому что нас в нем большинство.

— Это мы еще посмотрим, кто покинет Совет,— отпарировал Тольмац.

Меньшевики, бросая ядовитые реплики, покинули зал. Киселенко не на шутку встревожился...

С 13 по 19 августа в Бердянске проходил уездный крестьянский съезд. Большевики приняли активное участие в его созыве, хотя им было ясно, что преобладать на съезде будут мелкобуржуазные элементы — эсеры, меньшевики. Съезд открыл Александр Горбенко. Присматриваясь к сидящим в зале, Тольмац видел много представителей сельской бедноты. В мужицких речах звучало недоверие к Временному правительству. Это сказывалось большевистское влияние.

— Помещик хочет спрятаться за спину генерала,— говорил один бородач,— а тот — за спину солдати́ка. А штык на кого? Опять же на нас...

Рудольф думал, что Киселенко поведет свою излюбленную тактику — начнет расточать посулы, уповать на Учредительное собрание. Но на этот раз Киселенко выступал с угрзами.

— Мужики,— говорил он, строго хмуря брови,— вы посмотрите, что делается! Заводы и фабрики закрываются, рабочие не хотят стоять у станков. А ведь это крах промышленности. И на кого опять свалятся все беды? На вас, на ваши бедные головы...

Зоя и Рудольф переглянулись.

— Я знаю,— продолжал Киселенко,— вы не верите рабочим. Я сам рабочий и на себе ощущаю ваше неверие. Но я не стану упрекать вас... Главный разлад у нас происходит из-за большевиков. И если вы, крестьяне, пойдете за ними, революция погибнет.

После бурных дебатов была принята резолюция, в которой говорилось, что «расхождений между крестьянами и рабочими нет, что они составляют один и тот же трудовой народ» и что съезд «призывает крестьян к единению с рабочими для совместной работы».

На съезде Киселенко и многие эсеры окончательно порвали с Зоей и Александром Горбенко.

— Я не могу понять ни вашей политики, ни вашей тактики,— заявил Киселенко.— Вы перебежчики. И нам с вами не по пути.

— Именно это и я хотела вам сказать,— ответила Зоя Горбенко...

Обо всех этих событиях Тольмац рассказал только что приехавшему Дюмину.

— Значит, говоришь, Киселенко пугал?

— Да

— А Горбенки «полевели»... Ну что ж, все правильно. Страна переживает кризис. И у меньшевиков и у эсеров начался разброд... Часть эсеров обра-

зовала «левое» крыло... А Киселенко держит нос по ветру.

— Что-то не пойму я тебя,— сознался Тольмац.

— Понимаешь, в Москве я видел, как встречали генерала Корнилова. Там собирается Государственное совещание из представителей всех имущих слоев населения...

— Это еще что такое?

— А это, друг, то, что хотят посадить военного диктатора. И Киселенко об этом знает.

— Но постой... Тогда выходит, что меньшевики... Ведь это прямой сговор с буржуазией!

— С выводами спешить не будем. Наша тактика такая: разоблачая Керенского, его соглашательство, всеми силами бороться против Корнилова — этого кандидата в военные диктаторы. Сейчас необходимо всюду, на всех заводах провести беседы и собрания с рабочими. То, что вы порвали с меньшевиками,— отлично. Теперь надо избрать организационный комитет, наладить связь с большевиками Крыма, Харькова, Екатеринослава. В огрядах Красной гвардии обсудить и принять устав...

Энергия и деловитость Дюмина благотворно повлияли на всех товарищей. Тольмац взялся за агитационную работу в 46-м пехотном полку, прибывшем в Бердянск, с группой депутатов он побывал у солдат, договорился с полковым комитетом о выделении представителя в Совет.

Им оказался прапорщик Павел Смекалов. Раньше Тольмац с недоверием относился к офицерам, совершенно не знал их жизни, а их внешний лоск и высокомерность были ему противны.

Но тут, к своему удивлению, он крепко сдружился с прапорщиком, увидев в нем человека простого и душевного. Как говорили многие, они даже внешне были

похожи, только Смекалов носил лихие «гусарские» усы.

— Я крестьянский сын,— рассказывал о себе Павел,— костромич, хотел стать землемером и стал — вот строевым шагом землю меряю.

— А как ты попал в школу прапорщиков?

— Благонадежный, исполнительный, когда надо, в струнку тянусь — вот и попал.— Смекалов загадочно улыбался.— Видишь ли, друг, я как-то с ранних лет понял, что народ подымется. Рано или поздно. И без крови дело не обойдется. А раз попал в армию — что ж время зря терять,— надо учиться военному делу...

Смекалов пользовался уважением у солдат, хорошо знал многих, и его многие знали. Тольмац видел, что солдаты не верят генералам, к затее Корнилова относятся с усмешкой и всеми силами стремятся домой.

Однажды командир полка полковник Абольянец пригласил после митинга Тольмаца, Смекалова и других комитетчиков к себе на чашку чаю.

— Я старый служака,— говорил он, покровительственно покачивая головой,— и всем сердцем люблю нашу Россию.

— И мы ее любим,— заметил Смекалов.

— Да, но я не могу понять, чего вы хотите? Господин полковник,— обратился он к начальнику штаба Черткову,— объясните этим гражданам обстановку.

Чертков, стройный, подтянутый, резко поднялся с места.

— Вам, конечно, известно, что в Киеве создана Центральная рада? Она самостийно объявила автономии Украины. Созданы украинские части. На станции в Киеве уже была перестрелка украинских частей с нашими кирасирами. Петлюра держит пронемецкую ориентацию. Рига сдана...— Чертков, быстро кивнув полковнику, сел.

— Ну вот, господа... То бишь дорогие товарищи,— начал Абольтянец.— Положение обостряется. А вы вдалбливаете солдатам пагубные мысли — штык в землю, и по домам! А ведь немцы могут отхватить Украину одним ударом...

Тольмац хорошо помнил, как в докладе о политическом положении на девятом заседании VI съезда партии говорилось о событиях на Украине, о полосе провокаций, которую проводит союзный капитал, стремящийся «провалить идею революции в глазах широких мелкобуржуазных масс».

Встав, он попросил слова и рассказал об этом.

— Разве вы не видите, господин полковник, что Россия на международный рынок сейчас поставляет «серую скотинку» и получает за это деньги. Об этом и Милюков говорил... А мы хотим социалистической революции. А уж тогда русский и украинский пролетариат сами решат, как им жить — в одной республике или автономно...

— Ну что ж,— полковник многозначительно взглянул на Черткова,— вашими устами да мед бы пить...

Тольмац рассказал об этой беседе Дюмину. Тот задумался.

— Вот что, Рудольф, надо установить домашние адреса всех офицеров... Это нам пригодится. А из Питера радостная весть: корниловское выступление подавлено. Теперь мы должны действовать решительнее. Бороться за большинство в Совете.

— Теперь тебе понятно,— проговорил Дюмин,— какой у нас лозунг?

— Вся власть Советам!

— Правильно. Значит, будем бороться за большинство в Советах. Но прежде создадим свой комитет.

Второе заседание большевиков (без присутствия Киселенко и его братии) состоялось 14 сентября. Был

создан Временный партийный комитет. В него вошли члены организационного комитета — Дюмин, Бураков, Круглов, Тольмац, Оболтусов, а также Максимов и Осуховский. Секретарем избрали Тольмаца.

В ЦК послали письмо: «Хотя записано у нас пока всего 45 человек, но у нас еще не было публичного общего организационного собрания.. Сочувствующих есть много...»

Секретариат ЦК сразу же откликнулся: «Приветствуем вас в рядах революционной социал-демократии. Мы надеемся, что сплочение всех революционных пролетарских элементов вокруг нашей партии создаст непреодолимую силу».

В это время шла подготовка ко II Всероссийскому съезду Советов. В Бердянске состоялся 2-й съезд членов уездного Совета крестьянских депутатов. И хотя большевики все еще были в меньшинстве, слов о «доверии Временному правительству» почти не было. Особенно ярко выступил Саша Егоров.

— Политика соглашательства с буржуазией...— говорил он,— достаточно ясно показала, что можно ожидать от буржуазии: в лучшем случае еще одно корниловское восстание!

От большевиков Бердянска Саша Егоров был избран делегатом на II Всероссийский съезд. Провожали его шумно — с песнями, с гармошкой, с полушутливыми наставительными речами. Только его жена Лена была грустна. Когда поезд ушел, Нюра и Рудольф повели ее к себе.

В саду их ждал Дюмин. Он выглядел гораздо лучше — посвежел, ел с аппетитом, только жаловался на бессонницу. Рудольф как-то увез его в лодке на косу к знакомому рыбаку.

— Как здесь хорошо! — восхищался Дюмин, и Рудольф надеялся, что тот пробудет у рыбака с недельку.

Но Александр Алексеевич вернулся на второй же день, привез отменных бычков, отдал их Нюре, а с Рудольфом сразу заговорил о делах.

— Почему ты сбежал? — перебил его Рудольф. — Тебе же надо отдохнуть...

— Я себя чувствую прекрасно. А там, на косе, ночью вышел к морю. Волны шумели, и ветер становился сильнее... — Он взглянул прямо в глаза другу. — Ты что, не видишь, что ветер становится яростным?.. Нет, брат, сидеть с удочкой некогда. Я уже устроился слесарем на завод «Матиа».

Тольмац только укоризненно покачал головой.

Нюра устроила застолье прямо в саду. Всякие деловые разговоры полушутливо, полусердито пресекала. Однако Дюмин схитрил — он заспорил с Рудольфом о сорте яблони, стоящей в дальнем ряду. Они подошли к ней. Дюмин вынул брошюру.

— «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», — прочел Рудольф и просиял: — Ленинская?

— Да. Ильич, брат, работает без устали. Как широко смотрит он на историю! Здесь он говорит о национализации всей земли, о рабочем контроле над производством, о национализации банков. Но этого мало. Он доказывает, что сейчас два выхода — либо погнать, либо догнать передовые страны и перегнать их также и экономически...

— Что же вы ушли, пора за стол! — позвала Нюра.

Вернувшись к столу, Дюмин продолжал:

— А нам сейчас надо бороться за Советы. Вот радуемся — в тридцати пяти волостях Советы созданы. Хорошо... А в двенадцати что? Полное затишье. А ведь это такой резерв!

Он вынул список волостей и подал его Тольмацу, но Нюра ловким движением перехватила бумажку.

— Милые вы мои, — сказала она, пряча руку с ли-

стком за спину, — ну хоть сегодня не надо о делах. Давайте лучше попоем. А то Лена у нас грустит...

Они дружно затанули «Реве тай стогне...».

А утром Тольмац уехал в самые отдаленные волости уезда.

Октябрь в Бердянске

Секретариат ЦК РСДРП 20 октября послал бердянцам письмо. В нем, в частности, говорилось: «Можем сказать только одно: мы несомненно стоим на пороге крупнейших событий, предвидя которые, контрреволюция не останавливается ни перед какими провокационными выходками и вызовами».

— А посмотрите, что делают офицеры нашего полка, — заявил на одном из заседаний Смекалин. — Мы допускаем серьезную ошибку, что до сих пор не разоружили их.

— Да, этот вопрос нужно решать скорее, — согласился Дюмин, — я говорил по телефону с Харьковом — там разоружены буржуазные националисты и, заметьте, без крови.

Смекалин вынул несколько листков:

— Это домашние адреса всех офицеров. Наш отряд Красной гвардии насчитывает около двухсот человек. Сил у нас хватит. Предлагаю арестовать офицеров всех до одного.

Тольмац задумался:

— Горячиться в таком деле нельзя. Тут мы имеем дело с оружием... Почему мы забыли об Антоне Мазине? Надо ему написать — пусть пришлет отряд моряков. Но в город они должны войти незаметно

На том и решили.

— Егоров молчит... — озабоченно сказал Дюмин, — обещал ежедневно слать телеграммы. И ни одной нет...

Да, Саша молчал.

А 26 октября Бердянск узнал о победе вооруженного восстания в Петрограде. Состоялось экстренное заседание партийного комитета большевиков. Установить Советскую власть в Бердянске и уезде — таково было большевистское требование. Его поддержали рабочие.

28 октября «Известия Бердянского Совета» писали о только что прошедшем экстренном заседании Совета: «Когда обе резолюции были оглашены и близился момент голосования, напряжение тысячной публики и членов Совета достигло высшей точки...»

Уже по этим словам можно судить, какой острой была борьба с соглашателями.

Киселенко кричал, что «октябрьский переворот — это авантюра, и мы, меньшевики, клеймим ее».

Ему зло ответила Зоя Горбенко:

— Авантюристы те, кто в эту опасную минуту хочет оставить большевиков.

— Только Учредительное собрание правомочно решать вопрос, кому стоять у власти, — не унимался Киселенко.

На это отвечал Дюмин:

— Старая сказка... Барин придет, барин рассудит... Меньшевики заинтересованы в буржуазии, чтобы нами править. А мы — рабочие и крестьяне — заинтересованы, чтобы было мужицкое, рабочее и солдатское правительство.

И все-таки прошла резолюция соглашателей: создать временный революционный комитет — она получила на шесть голосов больше.

— Что же нам делать? Всюду Советская власть, а у нас черт знает что! — возмущался Тольмац. — В этот их комитет входят представители всех буржуазных партий, даже представители земства и городского самоуправления. Нам дано всего два места.

— Не горячись, Рудольф, — спокойно говорил Дюмин, — мы войдем в их комитет. Надолго ли — посмотрим... Но рабочие за нас, а это главная сила. Вот почитай резолюции рабочих собраний.

Рудольф уже читал резолюцию собрания рабочих Азово-Черноморского завода, которые приветствовали революцию в Питере и призывали к бдительности и дисциплине. Но ему казалось, что сейчас нужны не бумажки, а конкретное дело.

Вечером к Тольмацам прибежала Нина Клейн.

— Я была дома, — она смутилась, — знаете, я иногда тайком забегаю к маме. И слышала, как Киселенко разговаривал с отцом.

— Интересно, о чем же?

— Дельцы биржи требуют в комитете три места. И предлагают 50 тысяч рублей.

— Зачем?

— На покупку оружия...

Тольмац сразу бросился к двери.

— Спасибо, Нина. Знали бы вы, как вы помогли нам!

На следующем заседании комитета, когда Киселенко собирался делить «портфели», Тольмац попросил слова и заявил, что большевики решили покинуть комитет.

— Это еще почему?

— Мы не хотим ничего общего иметь с дельцами, которые продают места в так называемый комитет.

Разразился скандал. Узнав все подробности сделки, из комитета вышли представители солдат, польская

группа, литовские эсеро-максималисты, крестьянские депутаты. Зоя Горбенко назвала комитет контрреволюционным.

— И что же вы предпримете? — спросил Киселенко, стараясь сохранять спокойствие.

— Мы создадим новый революционный комитет. В него войдут истинные представители народа — от рабочих организаций, от Совета рабочих и солдатских депутатов, от Совета крестьянских депутатов, от заводских комитетов...

29-го состоялось первое заседание революционного комитета.

Когда Киселенко узнал, что в новом составе комитета нет ни одного меньшевика, он, конечно, начал цепляться за малейшую возможность, чтобы как-то затормозить ход событий. Меньшевики потребовали поставить вопрос на обсуждение президиума Совета, затем вынесли его на пленарное заседание Совета. Вопрос обсуждался неоднократно. Но сопротивление соглашателей было сломлено.

19 ноября Совет вынужден был принять резолюцию о перевыборах.

Лена, жена Саши Егорова, то и дело забегала к Тольмацу справиться, нет ли вестей от мужа. Но Рудольф только разводил руками — Саша так и не прислал ни одной телеграммы, ни одного письма.

— Ты не волнуйся, Леночка, — успокаивал Тольмац молодую женщину. — Дороги поездами забиты, вот и задержался. Но скоро приедет.

И Саша наконец появился — худой, оборванный, в чужой одежде. Он рассказал, что до Питера добраться не удалось, но в Москве раздобыл все документы II съезда Советов, беседовал с очевидцами и столько насмотрелся, что может рассказывать две ночи подряд.

— На Дону свирепствует Каледин. Советы разгоняет, комитетчиков расстреливает на месте. Центральная рада заключила с ним союз. Так что Бердянск сейчас отрезан от центра.

Саша приехал не один.

— Вот знакомьтесь,— сказал он, кладя руку на плечо своего рослого усатого товарища,— Петр Введенский — сын дьячка, пареньком бежал из семинарии, окончил юнкерское училище, был в японском плену, а потом в ссылке в Сибири. Он мне во многом помог. Так что могу заявить — человек проверенный.

— Ну что ж,— сказал Тольмац, пожимая руку Введенскому,— милости просим. Работы у нас хоть отбавляй.

Вечером заслушали подробный доклад Егорова, а утром пришла телеграмма за подписью Свердлова: на Дон для борьбы с контрреволюцией необходимо отправить красногвардейские отряды.

Вихри враждебные

Все соглашатели: меньшевики, бундовцы, кадеты, правые эсеры — были не на шутку встревожены: большевики проводили на заводах митинги и тут же записывали добровольцев в Красную гвардию.

Киселенко перестал появляться на заводе и все время проводил на квартире эсера Шредера.

В комнату вошел священник Лукин. Этот человек играл в делах соглашателей не последнюю роль. За глаза попа называли местным Гапоном. И это его ничуть не смущало.

— Что же это вы, господа хорошие, руки сложили? — начал он, как всегда, наставительно и важно. — Эти смутьяны вооружают народ, они готовятся к погрому. А вы, занятые суетными делами, не видите главного.

— Какую вы ерунду говорите, батюшка, — поморщился на его слова Матвей Козлов.

— Сын мой, со мной пристало говорить иным языком...

— Простите, выразился сгоряча. Но никакого погрома не будет. Просто большевики отсылают отряд под командованием Новицкого против Каледина.

— Это вы узнали точно? — Киселенко вскочил с места и подбежал к Козлову.

— Совершенно точно. Сейчас на вокзале идет прощальный митинг...

— Новицкий? Что-то я его не знаю.

— Это большевик из 46-го полка.

— Много добровольцев?

— Более ста человек.

— А это нам на руку, — сказал Киселенко, — перед выборами в Учредительное собрание и такой факт!

— Я не понимаю, — сказал Козлов, — почему мы стоим в стороне от этого важного дела?.. И потом — почему мы избрали для себя лишь право критики и не хотим взять на себя хоть часть работы?

— Вы предлагаете нам пойти к ним на поклон? Вы что, против выборов в Учредительное собрание?

— Зачем же на поклон? И потом — ваша Учредилка устарела. Время соглашений и коалиций прошло, надо работать, укреплять власть.

— Какую власть? Без Учредительного собрания?

— Конечно, народную. И от буржуазии, которая мечтает засесть в вашем собрании, давно пора отмежеваться.

— Что-то вы говорите не своим голосом...

— Именно это мой голос.

— Но он совпадает с голосом большевиков.

Козлов горько улыбнулся, темный шрам на шее, который он всегда старался прикрывать шарфом, начал медленно алеть.

— Я всегда стоял за организованный, социалистически воспитанный класс трудящихся. И теперь уверился, что большевики именно и создают такой класс. Я поддерживаю Тольмаца.

— Вы заблуждаетесь, сын мой...— начал было Лукин. Козлов мягко остановил его:

— Простите, батюшка, мне надо идти. А вашу проповедь я дослушаю в другой раз.

И он ушел, тихо прикрыв дверь.

— Я никогда не доверял этому человеку! — воскликнул Киселенко.— Слишком он много молчал раньше. Я думал, что это от перенесенных ожогов... Но вот, видите, заговорил!

— Да, он себе на уме. И я не удивлюсь, если он переметнется к большевикам.

— А все же, сыны мои, погром будет,— сказал Лукин, усаживаясь за стол и взглядом приглашая присутствующих приблизиться.— Вот вы послушайте...

Вскоре по городу от дома к дому пополз слухок: «Погром... Готовится погром... большевики вооружаются». Многие называли день и даже час выступления. Тогда на афишных тумбах, на заборах в городе были расклеены большие плакаты — воззвание к населению города, предупреждавшее, что любая попытка к погрому будет пресечена силой оружия.

Выборы в Учредительное собрание показали, что теперь большевики стали во много раз сильнее. Они собрали голосов в два раза больше, чем эсеры, и в четыре раза больше, чем меньшевики. Только кадеты

попытались соперничать с ними. Да и то безуспешно. Влияние большевиков на массы возрастало. В большевистской организации Бердянска в это время насчитывалось около двухсот человек.

В первых числах декабря состоялись перевыборы Совета, закончившиеся полной победой большевиков.

На своем заседании меньшевики разрабатывали план дальнейших действий.

— Теперь для нас главное, — говорил Киселенко, — противопоставить Совету городскую думу. Мы — гласные думы, и с этим большевики должны считаться. Мы еще осуществляем руководство профсоюзами, в наших руках газета...

Он говорил все это, желая подбодрить себя и своих товарищей. Но он не упоминал о фактах, которых сам боялся. Советские войска в декабре начали наступление на юге в направлении Александровск — Бердянск — Крым. В Екатеринославе рабочие с помощью питерских и московских красногвардейцев разгромили гайдамаков... Бердянск в плане советских войск имел большое значение.

На что надеялся в те дни Киселенко?

На этот вопрос одной фразой ответить трудно. Необходимо проследить ход дальнейших событий.

В городе, а затем и во всем уезде провозглашена Советская власть... Председателем президиума Совета избран Александр Дюмин... А он, Киселенко, который раньше всегда был всеми признанным лидером, остался не у дел.

14 декабря Киселенко узнал, что Совет отозвал своих гласных из думы и предложил провести перевыборы. Бумеранг, которым размахивал Киселенко, ударил по нему самому.

— Я не уйду из думы, — заявил он и демонстративно уселся на стул посредине зала. — Вы узурпируете

власть. Вы можете переступить через мой труп, но думу мы вам не отдадим!

Это было сказано голосом, в котором звучали трагические ноты.

Наступила критическая минута.

Киселенко внутренне ликовал — он видел, как колебались люди. Вот к нему кто-то подходит... Ах, это всегда спокойная Зоя Горбенко! Ну что же, она еще может вспомнить свои эсеровские иллюзии и найти возможность пойти на компромисс.

А Зоя поправила пенсне, чтобы получше взглядеться в его лицо, обошла его сзади и остановилась слева.

— Нет,— сказала она будничным голосом,— мы не станем создавать ореол мученика тому, кто менее всего достоин этого...

В зале раздался хохот. Зоя сняла пенсне и, улыбаясь, стала протирать его платочком. Потом добавила:

— Совет найдет силы осуществить свою власть и без трагикомических фарсов.

Собравшиеся, смеясь, стали покидать зал.

Домой Киселенко вернулся совершенно разбитый. С порога позвал:

— Агнесса!..

Но ему никто не ответил; на столе лежала записка — Агнесса, уходя, всегда оставляла коротенькие записки:

«Наум, я уехала к маме в Питер. Больше так жить не могу. Прощай...»

В душе поднялась злоба — и на Агнессу, и на всех на свете, а больше всего на себя самого. Вот сейчас — куда идти? Раньше он дружил со многими рабочими, бывал в их семьях, часто заходил к Горбенкам, к Тольмацу. А теперь... И Питер молчит. Связи оборваны. Дан, который раньше присылал газеты, литературу, письма, забыл о нем. О негодяи, не смогли взять

власть, хотя все складывалось так удачно! Ничтожные политики, давно заклеянные кличкой «меньшевики», так и остались в меньшинстве... А может быть, пойти в Совет и честно признаться в своих заблуждениях? Ведь поместили же Николай Рогов и Матвей Козлов сообщения в газете о разрыве с эсерами... И большевики приняли их в партию. Кисленко тут же отогнал эту мысль — нет, события в стране развиваются сложно и противоречиво, будет долгая борьба, и еще неизвестно, удержат ли большевики во главе с Лениным власть в своих руках. Сейчас надо временно уйти со сцены...

Кисленко поселился на квартире эсера Шредера, юриста по образованию, раньше занимавшего пост комиссара по судебным делам. В эту шикарную квартиру часто приходили меньшевики, эсеры, кадеты, бундовцы, сообщали о всех событиях в городе, приносили местную газету, которая теперь стала большевистской.

Кисленко видел, что Дюмин, возглавивший Совет, действует решительно и умело. Совет неустанно укрепляет в городе и уезде Советскую власть, создана продовольственная коллегия, принят устав Красной гвардии, на заводах установлен рабочий контроль, проведена национализация банков и создан единый народный банк, отменена частная собственность на крупное недвижимое имущество, Совет рабочих и солдатских депутатов объединен с Советом крестьянских депутатов.

— Рогов-то каков! — восклицал Шредер. — Этот перебежчик — бывший офицер! — создает в уезде новые органы правосудия и охраны общественного порядка. Уже созданы следственные отделы, рабочая милиция, военно-революционный трибунал. Скоро эти «товарищи» покажут волчьи зубы...

— А Шпитальная — такая милая, скромная учи-

тельница — стала судьей II участка, — вторила ему жена, полная стареющая дама. — И ведь подумать только — недавно схоронила мужа, а сейчас все дни проводит в Совете. Даже смерть мужа не повлияла на нее!

— Это что! — подхватил Шредер. — Она входит в комиссию по народному образованию. И чем занялась комиссия? В Дальних Лисках, в Гавриловке решено строить новые школы. Мало того — создают народный университет! — Он громко, раскатисто засмеялся.

Жена продолжала:

— Это какие-то сумасшедшие люди! У Дюмина, говорят, в селе Акимовка умерли дочь и сын. Он съездил на похороны и тут же вернулся. Даже жену не привез. Так и оставил ее одну, в горе... А Ниночка Клейн! Папаша ее, Отто Оскарович, такой обаятельный человек!

— Лучше уж скажи — состоятельный, — поправил Шредер.

— Да, и, конечно, состоятельный. А Ниночка ушла из дому. Сейчас, видите ли, ей поручено организовывать детские сады для детей мастеровых!

Подобных сообщений Кисленко получал достаточно.

В городе появились спекулянты. Случались грабежи и убийства.

Кисленко надеялся, что Совет растеряется. Но этого не случилось: по всему городу был расклеен приказ, в котором говорилось, что борьба с хищениями «должна быть делом всех сознательных товарищей, солдат и рабочих». По улицам начали патрулировать рабочие отряды, и вскоре грабежи прекратились.

Порадовался Кисленко, когда прочел в газете заявление: «Рабочие Варшавского арсенала, третью неделю сидящие без получки, обратились в исполком Совета с заявлением, обнаруживающим, что чаша их

терпения переполнена... Голодать, работая, нет сил».

— Вот тут-то они и споткнутся! — ликовал Киселенко. — В банке у них нет денег. В городе растет безработица. Посмотрим, как они вывернутся!

Но Иван Вильнер, руководивший только что созданным совнархозом, вскоре заявил, что трудности преодолены и что ранее закрытые предприятия возобновили работу.

— Как это им удалось? — негодовал Наум.

— А вы спросите у их комиссара финансов Карла Динера. Они же реквизируют ценности у богатей.

Уездным комиссаром земледелия был Петр Введенский. Киселенко очень злился: этот человек только что появился в городе и сразу занял такой пост! Особенно беспокоился Наум о том, распустят ли оставят Советы земство. В самом начале нового, восемнадцатого года в помещении земской управы состоялось собрание земских служащих. Киселенко пришел на собрание и скромно сел в самых задних рядах.

Введенский в косоворотке и пиджаке. Лицо у него серьезное. Широкие, спадающие вниз усы, большой лоб, карие выразительные глаза.

Никакого доклада он не стал делать, а сразу предоставил слово самим служащим.

Выступавшие говорили робко, ссылаясь на бесконечные трудности, выражая опасения, что Советы «все равно захватят или разгонят земство».

— У нас опускаются руки, — сказал один из ораторов.

Введенский спокойно разъяснил, что если «земство встанет на путь широкой демократической работы, то не может быть и речи о «захвате».

— Если же вы будете вести политику вразрез с требованиями трудящихся, — возвысил он голос, — то Советы возьмут земскую работу в свои руки.

Читая в газете о том, что «городская и земская уездная управа сохраняются как технический аппарат и работают под контролем при Советах до тех пор, пока не будет выработана инструкция об органах местного самоуправления», Киселенко удовлетворенно хмыкал. Среди работников управы было много его сторонников, а стало быть, открывалась лазейка, которую следовало использовать.

Киселенко был теперь частым гостем на квартирах у земцев. Потирая руки, он говорил:

— Ничего, коготок увяз, и всей птичке пропасть... Ближится весенний сев. Вот тут-то товарищи большевички и узнают, что такое мужик.

К этому времени он получил из своего центра важное письмо — оказывается, 14 января Ленин предложил создать из рабочих и солдат специальные продовольственные отряды для заготовки хлеба.

— Побывайте в Совете, — говорил он, — и вы увидите груды телеграмм из Москвы, Питера, Харькова: «Хлеба, хлеба!» Альберт Озол уже формирует такие отряды. Вы понимаете, что сейчас произойдет в деревне? Уж кто-кто, а вы хорошо знаете психологию мужика. А комиссаром продовольствия назначен наш человек — Матвей Козлов...

— Но он же публично заявил о выходе из партии эсеров!

Киселенко недовольно морщился. Говоря неправду о Козлове, он хотел создать у своих слушателей видимость какой-то «тайной» борьбы, это, как ему казалось, могло подхлестнуть его друзей.

— Вот же, — Киселенко тыкал в газету пальцем, — они сами признают, что «люди на почве недоедания умирают от сыпного тифа, а рабочие падают у станков в изнеможении...». — Да, да! — восклицал он. — Они издали закон о принудительной гужевой повинности...

Но о чем это говорит? Даже имеющийся у них хлеб они не могут подвезти к железным дорогам!

Действительно, в городе не хватало сахара, керосина, обуви, мануфактуры. Больницы были переполнены. Появился даже приказ: «...Прекратить выпечку и продажу всякого кондитерского печенья в городе и уезде. Продажа франзолей должна производиться исключительно по рецептам врачей...» Другой приказ, подписанный упродкомом А. Егоровым, гласил: «Все укрыватели запасов хлеба объявляются врагами народа. Все обнаруженные излишки хлеба будут реквизированы в пользу бедных крестьян и увечных воинов».

Все эти факты Киселенко истолковывал по-своему: они просто грели его душу, теперь он стал смелее глядеть в свое будущее.

Однажды поздно вечером в окно его комнаты постучали. Киселенко с опаской вышел на крыльцо. Перед ним стоял человек в офицерской шинели с погонами поручика. В правой руке он держал трость.

— Вы разрешите? У меня деловой разговор.

Пожав плечами, Киселенко провел нежданного гостя в комнату. Тот шел хромая, громко стуча тростью.

— Вы меня не узнали? — сказал офицер, снимая фуражку. — В ненастье к вам явился день погожий...

— Постойте, постойте! — Киселенко взгляделся в резкие черты лица собеседника. — Федор Погожий!

— Он самый...

Киселенко засуетился, усаживая гостя.

— Сейчас я вас чайком побалую, — говорил он весело, вынимая из буфета чашки. — Сколько же мы не виделись? Пять... нет, шесть лет. Вот уж не знал, что вы так быстро получите чин.

— Я из Одессы... Кое-как добрался.

— И там Советы?

— Да. Ваш Антон Мазин нам здорово насолил... Сейчас я вроде бы на нелегальном положении.

Наум насторожился: он боялся, что гость доставит ему много хлопот...

— Но вы не беспокойтесь,— как бы уловив мысль Киселенко, сказал Погожий.— Я устроен хорошо. Полковник Чертков — мой дальний родственник. Живу у него и по документам приписан к полку.

Погожий не стал затягивать разговор и сразу перешел к делу:

— Мы с вами люди одного лагеря. О событиях в Бердянске я имею полную информацию. И удивляюсь только одному, почему вы, Наум Анисимович, отсиживаетесь в этих стенах?

— Но ведь время-то какое!

— Вот именно — время горячее. Сегодня же я вас познакомлю с офицерами.

— Что вы! Что вы! — Киселенко испуганно замахал руками.

— Полковник Абольянц ждет... Да поймите, что большевики могут запросто прихлопнуть вас. А в офицерской среде вы будете своим человеком.— Погожий поклонился и подчеркнул: — Нужным человеком.

Так Киселенко сделал еще один важный для себя шаг.

Теперь он стал часто появляться в офицерских кругах, близко сошелся с полковником Абольянцем, до утра просиживал с ним над какими-то планами.

Однажды поздно ночью его разбудил Шредер.

— Вставайте, Наум, скорее вставайте,— барабанил он кулаком в дверь.

— Что случилось?

— Полк разоружен. Офицеры арестованы.

— А полковник?

— Его схватили в первую очередь.— Шредер не

находил себе места — то садился, то вскакивал, губы его тряслись. — Нет, вы как хотите, а я уйду из города.

— Куда?

— Это уж мое дело...

...Под утро Кисленко вышел на улицу, прислушался — город еще спал, никакой перестрелки, только звонко горланили петухи. Из-за угла на большой скорости выскочил автомобиль. Кисленко прислонился к стволу дерева и успел рассмотреть сидящих в автомобиле. Сзади, у станкового пулемета, сидел матрос в бескозырке, а рядом с шофером — Тольмац. Он махал кому-то фуражкой, и его светлые мягкие волосы ворошил ветер.

У «американцев»

Автомобиль промчался мимо каменного забора и остановился у ворот, на которых красовалась ажурная вывеска: «Русско-американский кооперативный механический завод». Шофер долго нажимал «грушу». На звуки гудка вышел заспанный сторож и, узнав Тольмаца, открыл ворота.

— Что это вы так рано пожаловали?

— Да вот ехали мимо, дай, думаем, заглянем, посмотрим, как живут «американцы».

Бердянские обыватели уже успели привыкнуть к новым рабочим поселенцам. Когда они приехали, толпы зевак издали наблюдали — что за люди, и одеты странно, и в разговоре употребляют нерусские слова, а работают как одержимые — с утра до ночи. Упорно ходил слух, что «американцы» подсланы немцами — будут выпускать диковинные пушки.

Хлебный амбар оказался прекрасным помещением для завода — это было высокое кирпичное строение, снаружи украшенное ажурной кладкой. Новые хозяева, работая днем и ночью, пробили в стенах окна, широкие двери, установили вентиляцию. А когда прибыли станки, работа закипела с новой силой.

Теперь об «американцах» заговорили уважительно: «Они все могут...» И действительно, начав с изготовления ложек и замков, новый завод вскоре начал выполнять заказы на изготовление различного инструмента. Иван Вильнер с двумя помощниками по чертежам, привезенным из Америки, изготовил простые, но очень эффективные машины-штампы. Какой-то частник заключил с заводом первый договор — на этих машинах он собирался изготавливать канцелярские кнопки. Заказ оказался выгодным, и кооператоры вскоре расплатились с долгами.

Но Вильнер и его товарищи мечтали о настоящей большой работе, о крупных заказах. Они строили фантастические для того времени планы о производстве заводом запасных частей к автомобилям, об изготовлении фрез, сверл и метчиков. Даже в это тяжелое, смутное время их планами заинтересовались, прибыл специальный инспектор и остался очень доволен. Правда, он не увидел закалочных печей, но ему тут же были предъявлены документы, подтверждающие, что печи находятся в пути.

— Что ж, идея создания такого завода заслуживает полной поддержки, — сказал инспектор. — Ну а как ваши люди относятся к событиям в стране?

— Спокойно. Мы люди деловые. Наш принцип: «Время — деньги». Так что болтать некогда.

Инспектор с сомнением покачал головой, он уехал, так и не обнаружив в среде рабочих никакой «крамо-лы». А «американцы» не были лишь активными коопе-

раторами, многие из них были революционерами — входили в красногвардейский отряд, в Совет. Вильнер, Озол, Кромберг, Фистов и другие были правой рукой секретаря городской парторганизации Тольмаца. И Рудольф часто бывал на заводе, он не чувствовал себя здесь гостем, был для каждого своим человеком.

Поговорив со сторожем, Тольмац вошел в цех. Глаза его радостно блеснули, когда он окидывал взглядом два длинных ряда различных станков. В конце цеха слышался приглушенный характерный звук — это работал станок, стоящий у самого окна.

— Кто там колдует?

— А вы взгляните...

Подойдя поближе, Рудольф увидел Вильнера. Он стоял в добротном американском комбинезоне, склонясь над какой-то деталью. Увидев гостя, заулыбался, кивнул: «Подожди!» — и еще несколько минут продолжал работать. Потом он рассказал, что надумал сделать фрезерную приставку к токарному станку.

— Ну-ка, ну-ка, покажи,— заинтересовался Тольмац.— Та-ак, значит, фреза зажимается в патрон шпинделя, а заготовка?

— Вот тут-то и нужно приспособление — вроде тисков.

Рудольф увлекся, засучил рукава и встал к станку. Они часто менялись местами, коротко о чем-то спорили, что-то подсказывали друг другу.

— А я тебя, Рудольф, взял бы к себе,— улыбаясь, сказал Вильнер.— Кумекаешь олл-райт!

— Вот наладим работу Совета — обязательно приду.

— Что ж, милости просим.

— Новости есть?

— Да еще какие!

Они говорили о том, что беспокоило всех рабочих завода, — о заказах. Когда Военно-промышленный комитет распался, пришлось заключить договор с акционерным обществом «Титан» на производство... бельевых кнопок. Но вскоре и этот заказ лопнул — «Титан» заявил, что прекращает финансирование до лучших времен.

Тольмац посоветовал:

— Обращайтесь к Советскому правительству! Просите субсидию для развертывания производства инструментального завода.

— А дадут?

— Обязательно дадут! Это же первый завод в России!

«Американцы» засели за смету расходов, считали, пересчитывали, спорили. Наконец остановились на круглой сумме — 1 миллион 500 тысяч рублей.

— Вот смотри, Рудольф, — говорил Вильнер, — будет сто двадцать станков, при двухсменной работе надо двести сорок рабочих. Каждый будет обязан оправдать в месяц тысячу рублей. Тогда у нас будет в год три миллиона дохода. Половину отдаем на содержание рабочих, а другую половину на погашение займа.

— Постой, постой! А ты уверен, что вы получите сразу все необходимые машины? Уверен, что установите их сразу и пустите в дело?

— Даже если в первый год не удастся освоить всю программу, рабочих будет примерно сто двадцать — сто пятьдесят человек, и тогда мы погасим задолженность в конце третьего года. И вот взгляни, что мы еще написали.

Рудольф прочел третий лист «краткой сметы», где говорилось, что кооператив «поведет борьбу за уде-

шевление изделий, а также за повышение благоустройства завода, введение технических усовершенствований, подбор технической библиотеки, улучшение условий жизни рабочих (устройство амбулатории и столовой)».

— Ну, молодцы! — сказал Тольмац, восхищенно улыбаясь. — Шлите эти документы наркому труда. А Совет от себя пошлет бумагу.

И вот теперь все с нетерпением ждали ответа из Москвы. И когда Рудольф спросил о новостях, он как раз и имел в виду письмо от наркома труда.

— Вот читай, — Вильнер подал лист, это был специальный бланк — копия письма наркома в учетно-срудный комитет Госбанка.

— «Кредит может быть открыт в сумме до 825 тысяч рублей», — вслух прочел Тольмац и радостно взглянул на Вильнера. — Так это же победа! А рабочие знают?

— Вчера обсуждали.

— Эх и молодцы вы, настоящие молодцы! Знаешь, о чем я хочу тебя спросить? Вон там что за станок? — он кивнул в сторону станка, стоящего в углу.

— Сверильный, типа «Гаскон М-204».

Тольмац внимательно осмотрел станок с двух сторон.

— Американский?

— Да.

— А что, в Америке много фирм, которые занимаются инструментом?

— Хватает. «Браун и Шарп», «Поэтт и Уитни», завод фрезерных станков в Цинцинати...

— Вот видишь, а у нас в России ни одного завода! Только небольшие мастерские... А ведь инструмент — это в промышленности главное, без инструмента — никуда.

— А мне нравится, Рудольф, как ты рассуждаешь... Америка хорошо это понимает, может, потому она так и сильна. Там даже есть кличка «уоббли».

— А что это?

— Так называют себя члены специальной организации «Индустриальные рабочие мира».

Тольмац круто повернулся:

— Значит, есть такая организация?

— Да. И в нее принимают только инструментальщиков, самых лучших, умеющих смастерить любой инструмент для самой сложной работы. Я и билеты их видел — такие красные книжечки...

Рудольф задумался, плотно сжал губы, ямочка на подбородке округлилась.

— Знаешь, о чем сейчас Ильич пишет? Революция, брат, поможет нам поставить Россию на индустриальные рельсы и перейти к новым, социалистическим отношениям на производстве. Тогда мы не только догоним, но и перегоним Америку!

Рудольф опасался, что Вильнер засмеется, так именно и поступали другие товарищи, которым он высказывал эту мысль. Но Вильнер только едва заметно качнул головой.

— Социалистические отношения... Вот я тебе расскажу, что у нас получилось в Америке с кооперативом. Трудностей было сверх всякой меры. Принимали только членов социалистических партий и профсоюзов. Вступительный взнос — сто долларов составили учредительный капитал. Не сразу, конечно, но дело наладилось. Мы выделяли лекала такой микроскопической точности, что мастера надевали лайковые перчатки, чтобы сберечь микроны. Да вот пойдем, я тебе кое-что покажу.

В комнате, где размещалась контора, он вынул из ящика папку со снимками. Рудольф рассматривал фо-

тографии первых членов кооператива, образец акции, отдельных станков. Особенно пристально он вглядывался в снимок общего вида цеха. Рабочие за станками стояли в белых халатах, на каждом — чистые сорочки, у многих галстуки и модные жилетки.

— Видишь, какая идиллия! — говорил Вильнер. — Всюду чистота, порядок, да и вид у мастеров культурный, лица веселые, здоровые...

— Так, так, а что же дальше? Принцип подхода к труду — какой он у вас был?

— Принцип один — «честность для себя», то есть для кооператива. Чистота и точность работы каждого влияла на общее благополучие.

— Ну что ж, это и хорошо!

— Но человек, Рудольф, еще очень слаб, его еще надо долго, ой как долго мыть и чистить, чтобы он стал настоящим человеком. Появились кое у кого шовинистические настроения, начались возгласы: «Давайте наймем подсобников!» — появилась жадность к деньгам. И начался разлад... Вдруг узнаем случайно, что два наших самых лучших мастера — Данцер и Мищенко — открыли на стороне собственные мастерские и выполняют выгодные заказы, применяя наемный труд... Вот и подумай, что нас ждало в условиях Америки?

— Да, Америка бы вас раздавила, — Тольмац убедительно потрянул головой.

— Вот именно! — подхватил Вильнер. — У нас было два пути — погибнуть от конкуренции или самим стать обычной капиталистической акционерной фирмой. Но тогда все наши идеи пошли бы насмарку.

— Вот мы и пришли к главному, — сказал Тольмац, — для того, чтобы по-настоящему раскрепостить труд, нужно что?..

— Революция...— сказал Вильнер.

— Социалистическая,— добавил Тольмац, и оба, довольные беседой, пожали друг другу руки.

Тем временем цех наполнился народом. Тольмац встал на ящик и рассказал, что ночью было арестовано более сотни офицеров, полк разоружен, солдаты будут демобилизованы, часть их волеется в Красную гвардию.

— А офицеры?

— Их предали суду военного трибунала, судить будем публично. Так что приходите, товарищи, на суд.

Всех беспокоила обстановка на фронтах. Тольмац не скрывал трудностей и призывал не слушать паникеров.

— В Крыму установлена Советская власть,— говорил он,— мы связаны с отрядом Мокроусова, кроме того, наш товарищ Дюмин избран в губернский Совет Таврии. Так что мы не изолированы. Но если бросим клич: «К оружию!» — надеюсь, что вы, «американцы», не останетесь в стороне от общего дела.

Вильнер пошел проводить Тольмаца к машине. Шофер, одетый в кожаную куртку, что-то налаживал в моторе.

— Послушай,— сказал тихо Вильнер,— где ты взял этого шофера?

— Он одессит, хороший парень, весельчак. А что?

— По-моему, я где-то его видел. Кажется, в полку.

— Да нет, Смекалин со мной сколько раз ездил. Уж он-то в полку каждого знает... Ты не поедешь в Совет?

— Нет,— сказал Вильнер, еще раз оглядываясь на шофера,— мне надо станок один отладить.

Машина выехала из ворот и, набирая скорость, помчалась к центру города.

— А я у этих бисовых «американцев» кое-чем разжился. Ох и молодцы они — работают как звери, — говорил шофер, подпрыгивая на сиденье и быстро действуя рулем, ехать приходилось почти по сплошным ухабам.

Тучи багровеют

На этот раз Киселенко перебрался на квартиру меньшевика Рыскина. К нему он явился вечером совершенно больной — мучила головная боль, поднялась температура. Напившись чаю с медом, приняв сразу две таблетки аспирина, он уснул, но среди ночи проснулся и долго не мог понять, где находится.

«Тюрьма?» — подумал Наум и подошел к окну. И на сердце сразу полегчало — просто это падали тени от веток стоящей у окна груши.

«А ведь до тюрьмы не так уж далеко, — думал он с чувством сострадания к себе. — Если они узнают, что я дружил с Абольянцем...» Ему опять стало так плохо, что он прилег, явственно ощущая под левой ключицей гулкие толчки сердца.

Утром хозяин доверительно показал гостю письмо от питерского товарища. Тот писал, что на заводах вместо работы идут митинги, станки ломают и их никто не ремонтирует, нет металла, топлива.

— Ерунда... Это все временно.

Киселенко закашлялся, а Рыскин посмотрел на него с сожалением.

— А знаешь, Наум, — заговорил он, — я все чаще начинаю задумываться над тем, что не все этапы ре-

волюции может одолеть самая обыкновенная личность. Вот я — как я горел, когда надо было жить в подполье, скрываться, рисковать жизнью! Но этот этап прошел — и сейчас нужна будничная работа: проводить в цехе громкую читку газет, заседать в завкоме по каким-то там хозяйственным вопросам. Нет, это, кажется, не для меня.

Он покосился на сидящего рядом Киселенко, унылого, с красными от бессонницы и температуры глазами.

— А ты?.. Тебе грели душу межпартийные споры. Помню, как ты, бывало, загорался, острил, срывал аплодисменты. Ну, признайся, что это тебе нравилось, ну же... А теперь ты перетрусил.

Киселенко поднял голову, его начинали раздражать бесцеремонные речи друга.

— Только не злись. Я говорю правду. Мы с тобой человеки, а человек, как известно, слаб. Вспомни, как Зиновьев и Каменев выдали планы большевиков о восстании в газетной заметке? Они перетрусили, испугались, что после провала восстания их казнят вместе с Лениным. Трусость их сделала близорукими.

— Что ты хочешь этим сказать?

— А то, что ты, Наум, да и я вместе с тобой, в общем мы оказались никудышными революционерами, мы не умеем главного — управлять событиями, вот и мечемся и не знаем, куда преклонить голову.

— Иди к большевикам...

— А что? Это идея. Только вот возьмут ли они меня? А тебя-то явно не возьмут.

Последние слова взбесили Киселенко, он вскочил и даже сжал кулаки, словно хотел ударить Рыскина.

— Чего ты от меня хочешь? Чтоб я ушел? Ну и уйду... Только, пожалуйста, замолчи.

Рыскин с большим трудом успокоил друга, усадил, подал ему стакан горячего чая.

— Прости, Наум, но я стал часто заниматься са-мокопанием. Из меня так и прет злость. Прости...— Помолчав, он веско добавил: — А я знаю, отчего ты заболел...

Киселенко настороженно поднял голову.

— Ты боишься, что на суде в трибунале выплывет твоя фамилия. И напрасно трусишь. Офицеры народ гордый и честный. Они о тебе не скажут, даже если ты их уговаривал бы перестрелять весь Совет.

— Я никого не уговаривал,— сказал Киселенко совершенно спокойно.— Просто мне страшно подумать, что погибнет более ста человек.

— Ты думаешь, их расстреляют?

— Возможно. Матросы, которые их арестовали, требуют расстрела.

— А что заявил Лев Гринштейн, ты знаешь? «Они ни в чем не повинны, они лояльны, я не дам притронуться к ним пальцем». А он ведь военный комиссар... Так что будь спокоен — крови ты не увидишь...

Киселенко не на шутку расхворался. Ночью он бредил. Утром пришел врач, выписал несколько рецептов. Жена Рыскина ставила больному банки. А его бросало то в дрожь, то в жар. Недели через две Наум почувствовал себя лучше, попросил газеты. За это время прошло заседание исполкома Совета и представителей Черноморского флота, была создана следственная комиссия «для выяснения личностей задержанных офицеров».

— В городе только и говорят об офицерах, будто их будут вешать в порту на каких-то реях, а другие говорят — у вокзала помост сделают,— нашептывала жена Рыскина.

— Дурацкие слухи! — перебивал ее Рыскин. — Их изрежут на мелкие кусочки... для крошки.

— Не понимаю, как ты можешь шутить в такую минуту!..

Вскоре Киселенко узнал, что председателем трибунала назначена Зоя Горбенко. После той злой реплики, которую эта женщина бросила в его адрес в думе, Киселенко ненавидел ее. Но сейчас, пораздумав, он почему-то успокоился. «Это к лучшему, — говорил он себе, — конечно, к лучшему...»

Суд проходил в зимнем здании театра, длился он несколько дней, весь город побывал на нем.

— Ах, какую речь закатила эта Зоя! — воскликнул после заседания суда Рыскин. — Ну и умница, ну и говорунья! Всех заворожила!

— Да расскажи толком. Хватит восклицаний...

— Она сказала... — Рыскин сделал движение рукой, словно хотел поправить на переносице пенсне. — «Пролетарий всемогущ...» — ну и что-то там еще на эту же тему. Но главное — слушай: «Беспощадный в борьбе, он должен помнить, что, когда враг на скамье подсудимых, борьба с ним закончена...»

— Так, так, а дальше, дальше! — Киселенко от нетерпения ерзал на стуле и то поднимался, то опускался, кладя дрожащие руки на колени.

— А дальше вышло все так, как я и предполагал, — революционный трибунал, мол, не может мстить, не должен творить расправу. «Ему предстоит творить дело справедливости и великодушия». И как ловко повернула! Это, мол, и есть закрепление завоеваний революции... Ну что, маловер, я оказался прав?!

Киселенко боялся слова «диктатура», но тут он просто не мог поверить своим ушам. Оказывается, трибунал после долгого поименного разбирательства (на

скамье подсудимых сидело сто двенадцать офицеров), после длительных прений (трибунал состоял из двадцати пяти членов) пришел к решению отпустить арестованных, взяв с них честное слово — не выступать против Советской власти и подписку о невыезде из города. Матросы из отряда Ляшенко бурно протестовали.

— К стенке этих гадов! — кричали они.

— Да если бы мы оказались в их руках, они бы перевешали нас на фонарных столбах!

Но Гринштейн и Зоя все же сумели настоять на своем. Кончилось тем, что офицеры один за другим поднимались на сцену, «клялись честью» и ставили подпись под специальным документом.

— А помнишь случай с генералом Красновым? — потирая руки, сказал Киселенко. — Его тоже отпустили «под честное слово», а он уехал на Дон и...

— Да-а,— протянул Рыскин,— товарищи большевики, оказывается, не так и грозны. Как бы все это не кончилось для них бедой!

— Ты что — сочувствуешь им?

— Я не люблю видеть кровь... — резко бросил Рыскин, — ни голубой, ни черной крови не бывает. Она всегда красная.

Киселенко слегка покосился, но тут же взгляд его подобрел.

— А как отнеслись ко всему этому Дюмин и Тольмац?

— Не знаю. Но слышал, что в комнате, куда удалился трибунал, шел большой спор. Даже крики были слышны.

Киселенко почувствовал себя совсем здоровым, побывал на своем заводе и, к великому удивлению, увидел, что работа идет как надо, правда, в одну смену, но с довольно плотной нагрузкой.

Киселенко взялся помочь рабочим. Однажды он столкнулся при входе в цех с Тольмацем. Тот был весь какой-то темный — не то от загара, не то от пыли и копоти.

— Ну что, Наум, взялся за ум? — пошутил он, весело смеясь, но руки не подал. Они перекинулись несколькими фразами, и Тольмац ушел, так и не попрощавшись как следует, — его тут же окружили рабочие.

Узнав о том, что в город вернулся Антон Мазин, Киселенко говорил, прикидываясь объективным:

— Какой человек! Рабочая косточка. Столько лет в Шлиссельбурге просидел. А вот теперь, видите, что вышло. Устанавливал, устанавливал в Одессе Советскую власть да и вернулся ни с чем.

— Так там же немцы теперь!

— Вот и то-то, что враги со всех сторон лезут — и в Крыму у нас дело плохо, и Петлюра угрожает.

А на заводах создавались боевые отряды. Большая работа проводилась и в деревне. В феврале на 1-м съезде Советов Бердянского уезда было принято решение о массовой конфискации помещичьих владений и разделе их имущества. В лучших владениях решили организовать коллективные хозяйства. Но земцы, с которыми Киселенко держал связь, всячески тормозили эту работу, крупные колонисты и кулаки не хотели добровольно отдавать свои богатства. Наум с удовольствием видел, что комиссар земледелия Введенский буквально разрывается на части — пишет статьи в газету, конфискует на складах и у частных городских лиц сельскохозяйственные машины, ездит по селам, частенько уходя от кулацкой погони.

Дружки Киселенко — Пивоваров, Буш и другие — опять стали собираться вместе. Они прекрасно понимали обстановку, знали, как трудно сейчас больше-

викам,— близится весенний сев, а во многих селах все еще главенствуют кулаки. Питер и Москва требуют хлеба.

Конечно, Киселенко не мог не знать, что Совет продельывает огромную работу. 24 февраля газета сообщала: «Отправлен хлеб для голодающих губерний»; 7 марта: «Из Москвы получена телеграмма с благодарностью за подвоз хлеба»; 8 марта: «Из уезда поступают сведения о добровольной сдаче хлеба реквизиционным отрядам»; 20 марта: «На днях ушел из Бердянска маршрутный поезд из 28 вагонов с мукой. Поезд направлен в адрес Московского областного продовольственного комитета... Скоро будет послано еще 30 вагонов»; 21 марта: «Благодаря советской агитации на семенные пункты Бердянска поступает много хлеба...».

Но все эти факты меньшевики старались замалчивать или просто не замечать.

...На улице Киселенко окликнули. Он обернулся и увидел Погожего, одетого в добротное пальто и шляпу. Трости в руках не было.

— Ну-с, Наум Анисимович, а вы все еще пребываете в состоянии шока?

— Я был болен.

— Со страху конечно,— Погожий засмеялся, и Киселенко увидел его маленькие, плотно сидящие зубы.— Ну, ну, не хмурьтесь. Мы и сами думали, что наша песенка спета. Но, как видите, живем...

Они прошли в сквер и сели на пустую скамью.

— Большевики взяли с нас подписку о невыезде из города. А на какие средства жить? Не идти же нам приказчиками к лавочникам!

Наум не мог понять, к чему клонит Погожий.

— И вот прапорщик Панасенко взял на себя смелость создать союз инвалидов.

— И вам разрешили?

— А что тут криминального? Мы создали общую кассу, помогаем ostrонуждающимся инвалидам. Завели переписку с Красным Крестом... Так что, милости прошу к нам...— И он, понизив голос, сообщил адрес.— Только было бы хорошо, если бы вы привели и своих друзей.

Киселенко понравилось это предложение — конечно, надо прийти не одному, а с целой, так сказать, делегацией. Советы, освободив офицеров, сделали один шаг, а они, меньшевики, сделают второй — постараются как-то помочь увечным воинам, пострадавшим за Россию.

В первое же посещение союза Наум убедился, что это лишь ширма: более двух третей офицеров совершенно здоровы, переписка с Красным Крестом — фикция, а всеми делами заправляют полковник Абольянц и его правая рука — Погожий.

— Господа,— говорил полковник на очередном «чаепитии» — так называли здесь заседания,— немецко-австрийские войска наступают в глубь Украины, идут упорные бои за Киев, возможно, что он уже пал...

— Екатеринослав уже захвачен,— быстро вставил Погожий.

— Ну вот... А это совсем рядом с нами... Кроме того, мне известно, что сюда пробивается отряд полковника Дроздовского. Мы, конечно, благодарны большевикам за то, что они не отдали нас на расправу матросне. И наша задача...— он окинул всех присутствующих многозначительным взглядом.

— Быть верными долгу чести,— быстро dokonчил Погожий,— мы дали слово не выступать против Советов... Но вооружаться — тоже наш долг, ведь мы как-никак военные.

— Ну, что там у тебя, Коля? — нетерпеливо спрашивал Тольмац, заглядывая через плечо шофера, копающегося в моторе.

— Да тут один крантик-винтик никак, бисов сын, не подчиняется. Я ему: «Не смей вилять!» А он: «Хочу гулять...»

Матрос, сидящий в машине у пулемета, здоровенный добродушный украинец Петро, громко рассмеялся:

— Эх, одессит, мастак ты балакать!

— Я-то мастак, да вот не едем никак!

Они ездили в село Преслав — там на ссыпном пункте накопилось несколько тонн зерна, его нужно было срочно вывезти. Удалось собрать десятка два крестьянских подвод. Обоз шел следом, и Рудольф торопился в город, чтоб организовать срочную погрузку. И вот всего в нескольких километрах от города автомобиль остановился.

Тольмац смотрел на раскинувшийся в небольшой балке хутор. Вдали зеркалом поблескивал продолговатый пруд. Петро тоже глядел в ту сторону и, встав на ноги, протянул вперед руку:

— Дывысь, командир, как воны точненько хутор нарекли — Куцая Балка. Дывысь, як вона обрублена горкой — и на самом деле куцая...

День стоял солнечный, теплый — 18 апреля. Рудольфу некогда было любоваться весенним великолепием полей, луга и хутора, его беспокоили тяжелые неотвязные мысли.

9 апреля поступило распоряжение ЦИК Украины — подготовиться к эвакуации. На экстренном за-

седании исполкома Совета с докладами выступили Дюмин и Воронков. Германцы и гайдамаки могут вот-вот войти в город. Все ценное, а главное, хлеб и оборудование Варшавского арсенала, перевезенное сюда еще при Керенском, необходимо вывезти морем. Надо предупредить грабежи и погромы, создать крепкую подпольную группу, привести в полную боевую готовность отряды Красной гвардии. На заводе Нейфельда срочно организовали рабочий отряд, который возглавил токарь Лосенко. В порту подготовили баржи к загрузке. В Севастополь направили делегацию с просьбой срочно прислать боевые корабли для организации обороны не только Бердянска, но и всего Азовского побережья...

Тольмац все эти дни был занят сбором и вооружением красногвардейцев. И лишь ночью выехал в Преслав, надеясь быстро доставить в город хлеб.

Наконец мотор заработал ровно, без перебоев.

— Садись, командир,— весело сказал шофер,— сейчас мы с горки и без мотора скатимся.

Дорога, идущая по плоской лысине горы, сразу за поворотом убегала вниз, где у моря раскинулся город.

— Шо там таке приключилось? — спросил Петро, из-под ладони глядя в сторону порта.

— Где? — спросил Тольмац, чуть привстав на сиденье.

— Да вон на крыше пакгауза люди бегают, руками машут. Чи не пожар ли?

— Ну, Петро, и глаз у тебя — алмаз,— сказал шофер,— такая даль, а ты людей на крыше разглядел.

Он рассмеялся, но не весело, как всегда, а коротко, с надрывом. Машина, миновав склон, въехала в улицу. Тольмац увидел, что впереди бегут люди. Завидев машину, они перемахивали через заборы и убегали в сады. На перекрестке им повстречался всадник, он

тотчас свернул влево. Лошадь скакала галопом, всадник без седла неловко подпрыгивал, смешно дергая локтями.

— Что-то неладно, Петро,— сказал Рудольф и положил руку на руль. Автомобиль остановился.

— Мотор не глуши! — приказал Тольмац, выскакивая на дорогу. Он долго стучал в окно маленького дома.

— Чего надо? — слышался старческий голос.

— Дедушка, что тут у вас стряслось?

— А не знаю, сынок... Говорят, большаки надумали хлеб за море увезти, народ голодом поморить. Вот и побежал народишко в порт...

— Рудольф Янович, стреляют! — крикнул шофер, кивая головой влево.

Теперь явственно слышались выстрелы — у вокзала, в порту и в центре города — сразу в нескольких местах.

— Петро, приготовь ленты. Я сяду за пулемет.

Рудольф быстро вскочил в машину, вцепился в ручки пулемета.

— Куда ехать, Рудольф Янович?

— Гони в порт! Стрелой лети, слышишь!

— Есть!

Шофер вывернул машину вправо и погнал ее не к центру, а в правую часть города.

— Куды ты поихав? — закричал Петро.

— Так ближе! Переулком мы прямо в порт воткнемся...

...Только впоследствии Тольмац узнал, что в это время мятежники-офицеры, руководимые полковником Абольянцем, захватили здание Совета, атаковали дом Сумарокова, где помещались штаб Красной гвардии и комиссия по эвакуации ценностей. Ожесточенный бой завязался у здания мужской гимназии. В пор-

ту одичавшая толпа, подстрекаемая чьими-то криками, сорвала погрузку, грабила имущество, на вокзале офицеры отбили эшелон с продовольствием и товарами и открыли двери вагонов: бери, грабь, пользуйся!

Рудольфу некогда было раздумывать, и он принял одно решение — ворваться в порт, развернуться и из пулемета расстрелять толпу мятежников. Потом он долго корил себя: может быть, надо было броситься на подмогу к дому, где помещался штаб? А может, следовало прежде всего оказать помощь сражавшимся красногвардейцам у здания гимназии? Но тогда он был твердо уверен, что главный очаг мятежа — порт.

Вот впереди показались портовые строения. Толпы народа бежали — кто в ворота, кто из ворот порта, слышались выстрелы, крики, отборная ругань.

— Влетай в ворота! — приказал Тольмац.

Толпа шарахнулась по сторонам, впереди открылась портовая площадь, забитая людьми, телегами, грузами. Рудольф увидел группу офицеров — они бежали с винтовками навстречу автомобилю.

— Ну, гады, держитесь! — прошептал Рудольф, беря их на прицел. И в это время автомобиль резко вильнул влево и ударился радиатором в каменную стенку, отгораживающую море.

— Ты шо, гад! — закричал Петро, перелетая от удара на переднее сиденье. А шофер уже выскочил из машины и в упор выстрелил в матроса. Рудольф прыжком сверху подмял его под себя, но не успел выдернуть из-за пояса маузер — группа офицеров навалилась на него и обезоружила.

— Бей его, братцы! — кричал какой-то тип в рваной тельняшке. — Это Тольмац! Сколько он наших посадил! Бей!

Толпа, прижавшаяся по сторонам, хлынула, как вода в горловину, смяла офицеров, и Тольмац на ка-

кое-то мгновение оказался свободным. Он свалил ударом одного, другого и вскочил на каменную стенку.

— Лови его, гада!

— Стреляй, стреляй в него! — слышались голоса.

Один за другим раздались два выстрела, пули прожужжали — одна над головой, другая чуть ниже плеча, а Рудольф бежал по стенке — туда, где море глубже. От баржи к стенке был протянут канат. Рудольф сделал по нему несколько шагов и, изогнувшись, полетел вниз, вытянув сложенные в ладонях руки...

До самого вечера шел бой у дома Сумарокова, где помещался штаб Красной гвардии. Красногвардейцы, руководимые Александром Дюминым, сражались до последнего патрона. Мазин, Введенский, Гринштейн руководили отдельными участками обороны. Дюмин и Мазин получили тяжелые ранения, и в конце концов белогвардейцы ворвались в здание. Члены первого Бердянского Совета были арестованы. Это были члены партийного комитета большевиков, члены ревкома, видные руководители и организаторы масс.

О том, что мятеж был тщательно подготовлен и в нем принимали участие соглашатели, говорит тот факт, что на следующий же день появилась в городе газетка «Бердянская жизнь», восторженно приветствовавшая «свержение Советов». На первой полосе крупный заголовок: «Где Тольмац?» В тексте сообщалось: «Начальник бывшего военно-революционного штаба бесследно исчез. Среди раненых и убитых его не оказалось...»

Куда же действительно девался Тольмац?

*

Вот что рассказала Анна Агеевна:

— Женщины мне передали, что Рудольф прыгнул в море. Шофер оказался предателем. Офицеры стре-

ляли в воду, но, говорят, Рудольф так и не вынырнул. Я уже думала, что он погиб, сильно переживала. Вечером пришел сосед, взял ключ, открыл сарай — там были винтовки. Я не видела, что он сделал с ними, — не могла подняться с постели. Ночью обыск. Офицеры спрашивали: «Где муж?» — все перерыли. В ботинках у Рудольфа были спрятаны гранаты-лимонки. Но мне было уж все равно, найдут или не найдут их.

Офицеры ушли. Прошел еще один день.

Ночью в окошко — стук. «Нюра, это я...» Гляжу — Рудольф. Влез в окно. Я его передела, накормила, напоила.

Оказалось, что он нырнул под баржу, стоящую на причале, и до самой ночи пробыл в воде, потом выплыл на берег и спрятался в оранжерее одного купца. Она была рядом с морем...

«Позови Кулика, — сказал Рудольф. — Только, чтобы никто не знал». Это был наш сосед, механик на пароходе. Он пришел, они долго говорили о чем-то, потом Рудольф начал прощаться со мной. «Куда же ты? — говорю. — А я-то как же?» — «Мне надо уходить. А тебя они не тронут».

К вечеру следующего дня зашла ко мне Анисья Ивановна — петроградка. «Ну, — говорит, — Нюра, все прошло удачно. Рудольфа нарядили в женское платье, и с механиком он прошел на пароход, который отплыл в Керчь». «Да где же взяли одежду?» — спрашиваю. «Я дала...»

— Ну а как вел себя Киселенко?

— Он забегал раза два, успокаивал, обещал звать врача. «Мы не дадим, — говорил, — расстрелять членов Совета. Но пять главарей будем судить народным судом...» А потом на рейде показались два парохода «Ястреб» и «Садко» и несколько барж. Это шли матросы под руководством Мокроусова — лишь

на два дня они запоздали! Офицеры забегали: им надо было выиграть время, чтоб укрепить береговую оборону. Киселенко трижды плавал с делегацией на пароход к Мокроусову, уговаривал не открывать стрельбу, не высаживать десант, а все решить тихо и мирно... Потом он говорил мне, что у Мокроусова он видел и моего мужа.

Расправа

Случилось так, что пароход, на который проник Тольмац под видом жены матроса, встретился с пароходами Мокроусова. На шлюпке Рудольф перебрался на «Садко» и доложил командиру обстановку в городе.

Соглашательская «Бердянская жизнь» 26 апреля писала: «Страшные ужасы пережил в эти дни наш город...»

Почему же газетка стремилась запугать обывателей? Ответ мы найдем чуть позднее. А сейчас прочитаем в строчки:

«Злодеи-моряки, вставшие на рейде, требовали освободить арестованных советчиков. Когда Киселенко пришел с делегацией на пароход «Ястреб», Тольмац приставил к его груди винтовку: «Я тебя сейчас отправлю бычков кормить...»

Газета явно хотела оставить у читателей впечатление, что этот «милый Киселенко» (помогавший мятежникам оттянуть время!) поступал как герой, подвергаясь смертельной опасности.

Далее описывается, как Тольмац начал бомбардировку города, хотел взорвать электростанцию («Что привело бы к страшному пожару»), от выстрелов по-

страдало правление банка (тут же уведомлялось, что «оно переехало в гостиницу «Бристоль», мол, милости просим!).

Да, конечно, отряд Мокроусова приложил все силы к тому, чтобы спасти товарищей. Было сделано несколько выстрелов, но баржи, на которых стояли орудия, дали течь. Моряки предприняли четыре попытки высадить десант. Об этом пишет и буржуазная газетка. И с прискорбием вещает: «Во время одной вылазки был схвачен председатель союза увечных воинов Панасенко. Его и еще двух офицеров матросы расстреляли, забрав у них... 6 тысяч рублей».

Ну, с этими тысячами газетка явно перестаралась, но цель ее ясна — доказать, что большевики убийцы и грабители. Далее извещалось, что в город прибыли представитель Центральной рады, офицерский отряд полковника Дроздовского, украинско-австрийская часть и «германские офицеры с артиллерией».

И вот, наконец, главное:

«24 апреля 23 арестованных комиссара, члены Совета были выведены в Николаевку (Куцая Балка), предстали перед военным судом, приговорены к смертной казни и расстреляны:

А. Горбенко — комиссар финансов,

Зоя Горбенко — председатель революционного трибунала,

Гринштейн и Смекалов — военные комиссары.

Рогов — комиссар юстиции (а в скобках указано: «Сын начальницы гимназии, бывший офицер»),

Шпитальная — народный судья II участка,

Введенский — комиссар земледелия,

Мазин — член Ручемрода,

Дюмин — председатель Бердянского Совета,

Егоров — уездный комиссар продовольствия,

Файнер — комиссар юстиции, одессит,

Киорпе — член исполкома,
Вильнер (против этой фамилии прочерк: очевидно, редакторы так и не поняли, что такое «председатель совнархоза»),

Козлов — городской комиссар продовольствия,
Динер — помощник комиссара финансов,
Винокуренко — комиссар презрения...»

Теперь становится понятно, почему газетка вначале так запугивала своих читателей «зверствами большевиков». Она хотела, чтобы сообщение о расстреле комиссаров было воспринято как вполне логический исход.

Но и тут соглашатели лгали и изворачивались. Они писали: «Помилованы: Воронков, Янютин — по просьбе союза инвалидов как участники войны; Волков, Журков, Нина Клейн и случайно арестованная жена Тольмаца».

Все это ложь. На расстрел вели (и везли в повозке раненых) девятнадцать человек, никто не был помилован (да и не просил помилования). Альберта Озоля, Даниила Воронкова и юную Нину Клейн расстреляли вместе со всеми. «Случайно арестованной женой Тольмаца» оказалась Лиля Полякова, подруга Нины Клейн, которая оставалась в городе.

Своей ложью соглашатели стремились доказать, что «суд» над членами первого Бердянского Совета был справедливый и даже гуманный.

О помиловании Нины Клейн они солгали еще и потому, что отец ее по национальности немец, влиятельный в городе человек, а тут пришли германцы — вдруг они останутся недовольны, что погибла девушка их национальности! Какие же это были трусы!

В конце газета с восторгом извещала: «По слухам, которым вполне можно доверять, в Москве свергнута Советская власть. Часть комиссаров задержана. Мо-

сква занята польскими легионерами, наступавшими со стороны Смоленска...»

Этими лживыми строчками соглашатели выдали себя с головой — выболтали свои заветные мечты, которым так и не было суждено сбыться...

«Верим в бессмертие революции!»

Я разыскал автобус, идущий в Луначарск (бывшее село Куцая Балка), сел рядом со старушкой. И мне, как говорят, повезло. Пелагея Георгиевна (так звали старушку) живет рядом с тем местом, где были расстреляны бердянские комиссары.

Мы шли по широкой улице, застроенной просторными, добротными домами. Пелагея Георгиевна рассказывала, что их колхоз «Заря коммунизма» один из лучших в районе, а председатель — Константин Иванович Чулаков — «хозяйственный, деловой, у него между пальцев и песок не просыплется».

— А вот и наша хата...— сказала она тоном гостеприимной хозяйки,— милости прошу.

Дом был добротный. Навстречу вышел хозяин Иван Ильич, он показал мне сад, виноградник...

— Живем хорошо,— говорил он неторопливо.— Сыны в колхозе работают. По механизации.

И опять было начал говорить о председателе, но я спросил о комиссарах.

Иван Ильич повел меня к памятнику. Прошли через виноградник, по краю пшеничного поля, обогнули густую лесную полосу и вышли на степную дорогу.

— Вот тут за акациями, близко,— говорил Иван Ильич,— эту полосу три года как посадили...

Слева от дороги шла небольшая зеленая аллея. И только мы ступили на нее, я и увидел памятник: на большом куске гранита высокий четырехугольник из мраморных плит, а на нем — чугунная чаша, символизирующая светильник с Вечным огнем. С только что убранного ячменного поля, уходящего полого вниз, на нас налетел сухой ласковый ветер-степняк.

— Вот тут их и расстреляли...— тихо сказал старик,— тогда ни полос, ни поля не было.

Стая откормленных голубей сделала над нами круг и разом опустилась к самому подножию памятника, где цвели ярко-красные розы. В стороне я увидел сколоченную из досок высокую трибуну.

— Митинги бывают,— сказал Иван Ильич,— каждый год. Этой весной и я на трибуне стоял...

Мы присели на скамью, и старик рассказал, что «и памятнику не было покою... Первый, тот, что поставили в девятнадцатом году, деникинцы сломали. А второй — фашисты порушили. Этот уже, считай, третий...».

Тишина стояла удивительная. Даже голуби не ворковали. А мне в этой тишине слышался звонкий голос Саши Егорова: «С открытыми глазами мы сознательно боролись за дело освобождения, и с открытыми глазами мы готовы умереть за него. Не завязывайте глаза! Стреляйте скорее, собаки!» Так он сказал, когда им предложили завязать глаза. А потом они сомкнулись плечами и запели «Интернационал»...

В кармане у Александра Алексеевича Дюмина было найдено воззвание. Его написали в тюрьме, но не успели передать на волю.

Вот его заключительные строки: «Мы не боимся смерти потому, что верим в бессмертие революции...»

Вместо послесловия

На этом обрывается повесть Ивана Спиридоновича Кычакова. Смерть прервала работу талантливого писателя над второй частью рукописи, в которой он намеревался показать своего героя Рудольфа Яновича Тольмаца в годы мирного строительства, на посту руководителя первенца советской инструментальной промышленности — завода «Фрезер» в Москве.

Не сразу партия направила Рудольфа Яновича на хозяйственный фронт. Председатель Могилевского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, секретарь Бердянской уездной партийной организации, руководитель органов ВЧК в ряде районов страны, председатель комиссии партийного и советского контроля в Симферополе, Краснодаре и Пятигорске — вот далеко не полный перечень участков, которые возглавлял он в течение первых лет социалистического строительства.

В 1929 году, вскоре после окончания Высшей партийной школы, Рудольфа Яновича Тольмаца назначают инструктором промышленного отдела ЦК ВКП(б). Но и здесь проработал он недолго.

Страна приступила к выполнению первого пятилетнего плана, главной хозяйственной задачей которого являлось построение фундамента социалистической экономики, создание передовой тяжелой индустрии.

Быстрый рост промышленности, в первую очередь ее сердцевины — машиностроения, требовал громадного количества современного инструмента. Между тем инструментальная промышленность находилась, пожалуй, в самом тяжелом положении. Старые инструментальные заводы обеспечивали потребность в инструменте на 33—35%, причем давали продукцию неудовлетворительного качества. Ежегодно страна ввозила инструментов на 2—2,5 миллиона рублей золотом.

Ликвидировать такое отставание можно было только за счет строительства новых заводов. Решающая роль в подъеме советской инструментальной промышленности отводилась заводу «Фрезер».

Возглавить строительство должен был опытный и энергичный работник, хороший организатор масс, человек, знакомый с тонкостями инструментального производства. И выбор пал на Рудольфа Яновича Тольмаца. Ведь до революции он работал слесарем-инструментальщиком на заводах Риги и Петербурга. А в Бердянске ему пришлось ознакомиться с инструментальным заводом, который вывезли из Америки русские политические эмигранты, объединенные в кооператив.

Один лишь беглый перечень важнейших событий строительства «Фрезера» говорит о том, какими темпами оно осуществлялось. В феврале 1931 года было принято решение о стройке. К 6 ноября 1931 года строительство основных цехов было вчерне закончено, и начался монтаж оборудования в главном корпусе.

1 апреля 1932 года уже работали станки цехов: сверл, разверток, фрез и метчиков. 29 апреля 1932 года четырехтысячный коллектив нового форпоста социалистической индустрии сообщал партии и правительству:

«Рапортуем, что... накануне мирового пролетарского праздника 1 Мая наш первый в СССР завод-гигант режущих инструментов вступает в ряды социалистической промышленности.

Осуществляя большевистские темпы под руководством ленинского ЦК и МК партии, мы закончили постройку завода в течение четырнадцати месяцев».

Это была замечательная победа, немалую долю в которую внес и начальник строительства Рудольф Янович Тольмац.

Теперь на повестку дня встала другая, еще более сложная задача: пустить завод в эксплуатацию, в кратчайший срок освоить его производственную мощность.

Примечательно, что заводу было присвоено имя всесоюзного старосты Михаила Ивановича Калинина — до революции тоже рабочего-инструментальщика, товарища Р. Я. Тольмаца по большевистскому подполью.

Выступая на торжественном митинге при пуске завода, М. И. Калинин призывал рабочих и технический персонал достичь такого положения, чтобы «завод считался в Москве особенным, интересным, оригинальным, своеобразным... технически хорошо поставленным...».

К началу пускового периода лишь небольшая часть старых кадровых рабочих обладала необходимой квалификацией. Основную массу всего коллектива составляли молодые рабочие: 34% из них имели производственный стаж до одного года, 44% — от одного до трех лет. Пришлось, по существу, собствен-

ными силами подготовить квалифицированных инструментальщиков. И Тольмацу с помощью партийной организации удалось мобилизовать на решение этой проблемы буквально весь коллектив.

Кружки техминимума, производственно-технические курсы, рабфак, курсы повышения квалификации мастеров и наладчиков, лекции, технические экзамены, смотры молодых специалистов и другие формы технической учебы и пропаганды позволили дирекции и заводской общественности создать крепкое ядро основных рабочих кадров, значительно повысить квалификацию молодых производственников. В процессе освоения производства, в борьбе с трудностями выковался крепкий костяк инженерно-технических работников. Завод превратился в своего рода университет.

Именно настойчивое стремление рабочих и специалистов позволило в один-два года наладить производство сложнейших конструкций режущих инструментов, для освоения которых иностранным фирмам понадобились десятки лет работы.

Блестящим успехом советских инструментальщиков явилось освоение такого сложного вида инструмента, как плашка Питлера.

В 1931 году дирекция завода попыталась воспользоваться в этом деле техническим опытом иностранных фирм. Обратились к немецкой фирме «Альфред Шютте». В ответ она выдвинула буквально кабальные условия: в течение года закупить у нее на 1 миллион марок плашек, затем приобрести на 0,5 миллиона приспособлений и мерительных инструментов для производства плашек, потребовала порядочную сумму за передачу чертежей и в довершение всего выразила желание прислать своего компаньона, разумеется также за особую плату. В последующем предусматрива-

лась посылка наших специалистов на завод фирмы для изучения дела.

Будучи за границей, Тольмац снова поднял вопрос о техпомощи. Глава фирмы подтвердил свое старое предложение. Рудольф Янович отклонил его и заявил, что завод освоит плашки Питлера своими силами.

— Может быть, это вам и удастся, но не ранее чем через несколько лет,— заявил А. Шютте.

— А вы приезжайте к нам через год, тогда и решим наш спор,— вежливо ответил Тольмац.

За освоение инструмента взялись прежде всего коммунисты инструментального цеха. Их горячо поддерживал весь заводской коллектив. Дирекция и партком на все решающие участки — слесарные, станочные работы и шлифовку резьбы — поставили опытных производителей. Много бессонных ночей провели за чертежами инженеры и техники во главе с коммунистом В. А. Маркиным, по две-три смены не отходили от станков рабочие. Часами не выходил из цеха и Рудольф Янович.

Самоотверженный труд коллектива дал свои результаты. Производство плашек было освоено в течение нескольких месяцев. По отзывам посетивших завод американских специалистов, этот инструмент по классу точности и отделке превосходил лучшие заграничные образцы.

Очень нужны были фрезы для первых турбин Днепрогэса. А их поставляли шведские, швейцарские, немецкие фирмы. «Покончить с импортом, оборудовать турбины Днепрогэса отечественными фрезами!» — такую задачу выдвигает Рудольф Янович. И по чертежам своих конструкторов — Маркина и Пономарева — рабочие наладили выпуск этих сложных инструментов.

Одновременно коллектив вел напряженную работу по освоению производства витых сверл, которые, в от-

личие от обыкновенных, выдерживали вдвое большую нагрузку. Возглавил бригаду, составленную из коммунистов и комсомольцев, член партии Ленинского призыва Л. М. Стрельчук. Опять ночами просиживали над чертежами инженеры и техники, сутками стояли у станков рабочие. И все время рядом с ними был директор. И вновь победа: завод приступил к массовому выпуску еще одной очень нужной народному хозяйству страны продукции.

В 1934 году «Фрезер» освоил свою проектную мощность по количеству изделий.

Но Рудольф Янович не успокаивался.

— Завод по своей оснащенности, по качеству выпускаемых изделий должен быть выше однотипных зарубежных предприятий,— подчеркивал он в своих выступлениях.

По его инициативе на важнейших участках производства создаются лаборатории. Директор принимает все меры, чтобы оснастить их лучшим оборудованием, укомплектовать способными работниками, наладить исследовательскую работу.

«Революция — для человека»,— любил повторять Р. Я. Тольмац. И не только повторять. Жилые дома для рабочих и специалистов, строительство детских садов и яслей, работа столовой, благоустройство заводской территории — все эти и другие вопросы не ускользали от внимания директора.

С каждым годом увеличивалась производственная мощность завода. Он стал основным поставщиком режущего инструмента советской промышленности. Если в 1932 году, к началу освоения, «Фрезер» выпустил продукции на 3,5 миллиона рублей, то в 1937 году эта цифра выросла более чем в 16 раз.

Коллектив «Фрезера» достойно продолжает традиции довоенных пятилеток. По массовости выпуска ре-

жущего инструмента это самый крупный завод в мире. Продукция его экспортируется во многие страны. В ближайшем будущем завод должен быть превращен в опытно-показательный по уровню механизации и автоматизации технических процессов. На нем будет выстроено свыше 70 автоматических линий и механизировано свыше 30 поточных линий.

Прошло более сорока лет с того памятного апрельского дня 1932 года, когда Р. Я. Тольмац рукояткой огромного рубильника включил ток и «Фрезер» вошел в строй. Но и поныне в заводском коллективе хорошо помнят и высоко чтят своего первого директора.

В детстве маленький Рудольф слышал сказку о волшебной стреле — символе героического порыва. И образ этот он пронес через годы борьбы и созидания. Вся жизнь Рудольфа Яновича Тольмаца — это порыв, это устремление в будущее. Р. Я. Тольмац умер в 1940 году, когда ему исполнилось лишь 49 лет.

«Наши первые пятилетки были настоящими сражениями за социализм. И, как в каждом сражении, в них рождались свои талантливые командиры, свои беззаветные герои. Партия развернула огромную работу, выдвинула плеяду замечательных организаторов промышленности, руководителей народного хозяйства»¹.

Эту высокую оценку первых руководителей советской промышленности с полным правом можно отнести и к верному сыну Коммунистической партии Советского Союза Рудольфу Яновичу Тольмацу.

А. Н. ПОНОМАРЕВ,
кандидат исторических наук.

---

¹ Л. И. Брежнев. 50 лет великих побед социализма. Политиздат, 1967, стр. 15.

СОДЕРЖАНИЕ

Несколько слов от автора	3
О волшебной стреле, которую, если захо- чешь, непременно увидишь	6
У питерских рабочих	14
Побег	27
В Бердянск	37
Первые шаги	47
Хартикайнен снова становится Тольмацем	56
Приезд Антона	60
«Наш путь не усеян розами»	64
«Быть стрелой...»	74
Учиться управлять страной	80
Новые друзья	87
Ветер становится сильнее	94
Октябрь в Бердянске	102
Вихри враждебные	106
У «американцев»	117
Тучи багровеют	125
Прыжок	133
Расправа	139
«Верим в бессмертне революции!»	142
<i>А. Н. Пономарев. Вместо послесловия . . .</i>	<i>144</i>

Иван Спиридонович Кычаков

ВОЛШЕБНАЯ СТРЕЛА

Редактор *В. Полякова.*

Художественный редактор *А. Титова.*

Художник *Н. Симагин.*

Технический редактор *Л. Маракасова.*

Корректор *Н. Денисова.*

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Московский рабочий».
Москва, ул. Куйбышева, 21.

Л82287. Подписано к печати 8/XII 1972 г. Формат
бумаги 70×108¹/₃₂. Бум. л. 2,49. Печ. л. 7,02. Уч.-
изд. л. 6,65. Тираж 75 000. Темплан 1972 г. № 36.
Цена 22 коп. Зак. 1616.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.

22 кол.

